Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (большевиков).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, [illegible]. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, [illegible]
Прием по делам редакции ежедневно, кроме праздничных дней, с 5 до 7 час. вечера. [illegible]
Телефоны: Телефонограммы 6-72-80. Секретаря редакции [illegible]. Ночной редакции [illegible]
ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ во всех губернских, уездных и других отделениях ЦЕНТРОПЕЧАТИ на всей территории Р. С. Ф. С. Р. только от учреждений и организаций.
Контора открыта ежедневно, кроме праздников, 10 ч. утра до 4 ч. дня. Телефон к-ры: 2-02-19, 4-48-47.

Весь сбор от продажи № поступит в пользу голодающих.

Цена № 1000 руб.

№ 221. Октябрь 1921 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 221.

Рабочие и крестьяне!
Дружно всей нашей трудовой семьей поможем голодающим!

Настоящий номер составлен, набран и напечатан в порядке субботника сотрудниками „Правды“, „Роста“ и рабочими 2-ой образцовой газетной типографии МГСНХ (Тверская, 48).

Все на выручку!

Если бы мы переживали период, когда слагались предания, то, несомненно, народ олицетворил бы в лицах те бедствия, которые выпали на русский народ. Что мы видим? Злейшие враги—белогвардейцы, у которых одно желание—выжечь и пепел развеять от русской революции... Дальше—гигантская, всенародная борьба с разрухой... Не успели еще как следует за нее приняться, как к этому врагу прибыл на помощь страшный голод, обрушившийся на 20 с лишним миллионов человек.

Сурова и жестока проза переживаемого времени. Нет героического предания, но есть картина поистине героических сил, поднятых и двинутых на борьбу. Пусть говорят об этом факты и цифры. Сухие и безличные—они дышат живой, гигантской работой, проделываемой сейчас Советской Республикой.

21-ое июля. Это—день, когда сложилась ныне действующая Центральная Комиссия Помощи при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов. Это—первый шаг объединения целого ряда губерний и уездов неблагополучных по урожаю. В этот день президиум [illegible] обратился ко всему населению Федеративных Советских республик с призывом к борьбе с бедствиями голода, простершегося на огромную часть нашей страны.

Свыше двух месяцев прошло с того времени,—тревожных, решающих месяцев. Теперь мы можем подвести некоторые итоги работы рабоче-крестьянского правительства на голодном фронте.

Первым своим шагом Советская власть сняла с пораженных великим несчастьем губерний государственный продналог как с зерновых хлебов, так и с большинства других видов натурального обложения, оставляя последнее лишь в местах, наиболее пощаженных стихией, менее подвергшихся бедствию голода,—в пользу местных же органов.

Следующей мерой было обеспечение голодающих местностей семенным материалом,—задача при наших условиях, громадных, неизмеримых трудностей, неимоверного напряжения. После этого было приступлено к непосредственной борьбе с голодной смертью: организованы областные, губернские и уездные комиссии помощи голодающим; такие же комиссии постановлено было организовать при всех Народных Комиссариатах с предложением обсудить, какими ресурсами обладают Комиссариаты, чтобы их можно было немедленно выделить на борьбу с голодом.

Далее был поставлен и разработан вопрос о планомерном выселении из голодающих местностей. Население республики призвано было притти на помощь своими денежными и натуральными возможностями голодающему населению; обращено особое внимание на помощь детям.

В результате напряжения этих сил получены следующие итоги. К 13-му сентября в юго-восточные местности было отправлено 12.141.000 пудов озимых семян, из которых 1.150 тысяч пудов приходится на купленные Советским правительством за границей семена. Следовательно, около 15—20 процентов всего предполагаемого сбора озимой ржи по продналогу уже израсходовано на обсеменение крестьянских полей голодающих губерний.

На-ряду с этим к 15-му сентября переброшено из голодающих губерний 174.000 человек, главным образом, рабочих с семьями. В большинстве это те же крестьяне, но они идут по наряду Народного Комиссариата Труда. Нетрудоспособных в этой армии не менее 60 проц., а возможно и больше. Сейчас разрешается вопрос о санитарных улучшениях для переселенцев, в первую голову—о снабжении их бельем, одеждой и обувью.

На сентябрь был утвержден план вывоза детей на 27 санитарных поездах, на октябрь масштаб эвакуации детей увеличен до 40 санитарных поездов. Из мест благополучных по урожаю получено согласие принять, примерно, 60—65 тысяч детей. От рабочих организаций Германии, Англии получено предложение принять 2.000 человек на их попечение. В самый последний день получено еще одно аналогичное предложение из-за рубежа относительно детей.

Что касается внутренних добровольных пожертвований, то в Центральной Комиссии имеются следующие итоги (безусловно, неполные): собрано хлебных продуктов—107.019 пудов, других—41.720 пуд.; пожертвовано материалов натурой на 4.390 тысяч рублей; собрано денежных сумм 1.500 миллионов, из которых 660 миллионов уже реализовано на закупку продуктов для юго-востока.

Впереди, помимо снабжения продовольствием, стоит задача уделить еще для голодающих 20 миллионов пудов яровых семян и доставить их на места.

Двухмесячная напряженнейшая работа по борьбе с голодом. Что она говорит? Вряд ли в истории где-либо можно найти больший ее размах. Одна перевозка полумиллиона рабочих с содержанием питательных пунктов (потребовавшая расходов не менее, как на 15 миллионов золотом), при неслыханной нищете страны, при огромной разрухе транспорта,—одно это достаточно характеризует размеры тех усилий и напряжения, которые употребляет Советское правительство в борьбе с народным бедствием.

Выжженные поля на юго-востоке засеяны семенами, привезенными с севера, от крестьян, которые сами пережили муки голода, привезенными на разрушенном транспорте, усилиями железнодорожного персонала, который четвертый год сам недоедает.

Крестьяне, еще всего только месяц тому назад безнадежно взиравшие на истомленную от жары почву, видят сейчас зеленеющие квадраты озими, видят надежду конца их страдания.

Сотни тысяч переброшенных в благополучные места, усталые, обнищавшие, со страхом вспоминают длинные знойные недели, с каждым днем уносившие благосостояние миллионов крестьян.

Много сделано рабоче-крестьянским правительством, еще больше работы впереди. Перед голодающим населением стоит суровая, степная с метелями и вьюгами зима. Ее не боялся крестьянин, когда его хата была кругом завалена омётами соломы, амбары полны хлеба, на дворе тепло от дыхания скотины, дома висит меховой тулуп.

А сейчас?.. Раскрытые крыши... Отощавший, дышащий на ладан скот... Их обтрепанный голодный хозяин, ждущий помощи от Советского государства, от рабочих и крестьян республики...

Республика его подбодрила, обнадежила, темные поля прорезаны посевами. Теперь необходимо прокормить, поддержать голодное население продуктами питания.

Как бы много ни помогло Советское правительство,—ресурсы его слишком ограничены; нужда и голод останутся в огромной степени. Только широкая всероссийская помощь рабочих и крестьян, только их неослабное внимание к делу помощи дадут силы и бодрость миллионам трудящихся встать снова в ряды трудовой армии для восстановления благосостояния Советской Республики.

Из великой трудовой армии Советской России целые корпуса—миллионы—оторваны, поломлены злейшим, старинным, самым непримиримым врагом крестьян России—голодом.

Все на выручку части нашей братской трудовой армии! На выручку!

М. КАЛИНИН.

Борьба с голодом только начинается.

Советская власть на голодном фронте одержала первую [illegible]—блестящую победу.

Изменив обычный темп своей продовольственной работы, перестроив направление всего железнодорожного грузового движения, изменив всю схему семенного снабжения, рабоче-крестьянское правительство в 1—1½ месяца перекинуло в голодающие районы 14 миллионов пудов семян. Этот поток семян остановил стихийное бегство населения голодающих районов, поднял его дух, укрепил его веру в Советскую власть, дал возможность засеять не менее 65 проц. выгоревшей площади. Эта победа идет вровень с любой из решающих и победоносных для нас битв на фронте гражданской войны.

На этот победоносный удар был направлен—и должен был быть направлен—не непосредственно против голода, а лишь против его последствий, против связанного с неурожаем 1921 г. разрушения крестьянского хозяйства, против грознейшего оголения полей в 1922 г.

Борьба с голодом,—с длительным отсутствием пищи у миллионов людей,—**только теперь начинается.** Жалкие крохи сбора этой осени могли поддерживать население до октября. Суррогаты исчезают с наступлением холодов. Идет зима. Поволжье и Урал встречают ее с пустыми закромами, с отсутствием каких бы то ни было запасов, с одной надеждой, что **хлеб будет ввезен извне.** Ввезенные туда 14 миллионов пудов зерна лежат в земле и будут там лежать до будущей осени.

Общая сумма продовольственного налога была определена ранней весной этого года в расчете на **средний урожай** по всей республике. Рабоче-крестьянское правительство обещало крестьянам взять с них путем налога на общегосударственные нужды не более 240 миллионов пуд.,—этого обещания оно не может нарушить. На деле советская республика получит на все свои нужды—для городов, для детей, для [illegible] рабочих, для [illegible]—меньше, главным образом, потому что истинные, стародавние кормильцы центральной и северной России—губернии Поволжья—не только ничего не дадут, но им должно быть дано.

Из этого скромного общегосударственного запаса в первую очередь должны быть выделены для голодающих районов **семена для ярового засева.** Что же останется для **прокормления** населения в течение нескольких месяцев? Очень, очень мало!

Увеличить ту долю, которую можно выделить из общегосударственного хлебного запаса для голодающих, можно только одним путем: **суровым сокращением потребления в благополучных по урожаю губерниях, бережным обращением с каждым фунтом государственного хлеба.**

Эта первая задача. Имея на своем иждивении десятки миллионов голодающих, не могущих получить хлеба ниоткуда, кроме государства, Советская власть должна всеми силами добиться, чтобы ни один фунт хлеба, ни одна корка не расходовалась даром, безрассудно, непредусмотрительно. Только самые необходимые для государства, для восстановления хозяйства группы населения—рабочие государственных предприятий, дети и красноармейцы—должны остаться на эту зиму на государственном снабжении. Все что рабоче-крестьянское государство сэкономит при суровом, разумном проведении этой политики,—будет обозначать увеличение доли голодающих.

Можно ли, однако, увеличить общий хлебный запас Советской власти? Можно. У земледельческого населения Советской России—за уплатой продналога—останется на руках около 2½ **миллиардов хлеба.** Это немного, вообще-говоря. Но из этого запаса может быть взят в распоряжение государства,—а стало-быть и для голодающих—не одна сотня миллионов пудов хлеба, путь один: товарообмен, добровольная сдача крестьянами своих запасов в обмен на товары и на деньги, находящиеся в руках государства и кооперации.

Кто хочет помочь голодающим, должен сосредоточить все внимание на развитие кооперативного товарообмена. Этим путем можно **и должно** увеличить запас продовольственных продуктов в руках Советской власти и ее органов. Развитие обмена между городом и деревней **теперь**—после продналога—**главный и важнейший**—и практически и теоретически—путь общегосударственной помощи голодающим.

Третий путь—пожертвования.

Из них—основное то, что может дать заграница. Над надеждами на мировую буржуазию надо поставить крест. Буржуазия себя определила. За исключением пары благотворительных учреждений (АРА, «Международный Детский Фонд», германский Красный [illegible]) [illegible] на интеллектуальной верхушке буржуазии,—буржуазия, как класс, готовит голодающим русским крестьянам свинец, а не хлеб.

Другого мы и не ждали, на другое и не рассчитывали.

Нуланс и польско-французский ультиматум—вот ответ мировой буржуазии на голод русских крестьян. Этот ответ записан, учтен и внесен в счет мировой буржуазии не только русским, но мировым пролетариатом.

За пределами Советской России только рабочий класс всего мира работает и жертвует в пользу голодающих, как великая мировая организация. Он уже сделал много. Он сделает еще больше. Он поможет нам одержать еще одну, величайшую победу: победить голод.

Л. КАМЕНЕВ.

Что сделано для помощи голодающим и что нужно сделать.

Во второй половине июля, как только выяснилось, что Поволжье обречено на неурожай, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет образовал боевой орган для борьбы с голодом—Центральн. Комиссию помощи голодающим при ВЦИК. Этот штаб нового голодного фронта имеет своей задачей руководить, направлять, объединять и контролировать работу всех органов в деле борьбы с голодом.

Первой боевой задачей Советская власть поставила обсеменение полей пораженного неурожаем района. Эта задача в начале сентября была исполнена блестяще. Более 12-ти милл. пудов семенной ржи, взятых из продналога, семссуды, закупленной частью за границей, было в кратчайший срок переброшено в голодающие районы.

Это было началом победы. Крестьяне голодающих губерний, панически бросавшие свои деревни, приободрились, когда увидели, что семена начинают прибывать; паническое бегство прекратилось, и крестьяне принялись засевать поля. За семенной кампанией Советская власть начала картофельную кампанию. Каждый день растет количество отгруженного картофеля, каждый день растет количество вагонов, направляющихся с картофелем в голодающие места. Кроме картофеля, заготовляемого для голодающих Наркомпродом, 1½ миллиона пудов закуплено Центросоюзом по заданиям Центральной комиссии помощи голодающим.

Одной из важнейших задач комиссии ВЦИК было спасение голодающих детей Поволжья, Приуралья и др. Образована была при Комиссии подкомиссия по охране детей, которая занялась, главным образом, вопросом об эвакуации детей из голодающих губерний в благополучные. Уже в августе отправлено было 7 поездов, в сентябре 16 поездов. На октябрь предположено отправить 40 поездов с погрузкой на каждый поезд в среднем 500 детей. Огромная работа была проделана Центроэваком совместно с Наркомтрудом по эвакуации населения из голодающих районов. Стихийное бегство необходимо превратить в организованное переселение, в переброску рабочей силы, эвакуацию беженцев империалистической войны, которые, благодаря невыполнению договора Польшей, в большом количестве скопились в Поволжье, обреченные на голод. По нарядам Наркомпрода переброшено рабочих вместе с семьями по 20-е сентября 115,858 человек, а вместе с выселенцами, беженцами и другими — около 450,000.

Не менее важным вопросом явилось спасение скота от гибели. Скот в голодающих районах, благодаря отсутствию кормов, продажи крестьянами на убой, гибнет массами, и задачей Советской власти является принятие мер против этого путем эвакуации.

Образована особая секция по охране племенного скота при комиссии животноводства, которой и дано задание эвакуировать ценный скот из голодающего района. На один октябрь эта секция пред'явила требование на 27 миллиардов денежных знаков.

Чтобы местному голодающему населению дать заработок, предпринимаются в широких размерах общественные работы по мелиорации, по лесным заготовкам и пр. О размерах этих работ, к которым необходимо отнести и поддержку местных кустарных промыслов, можно судить по тем кредитам, которые испрашивают В. С. Н. Х. и Наркомзем. Так смета В. С. Н. Х. на общественные работы в голодающих губерниях до конца года составляет 195 миллиардов рублей.

До октября внимание советских органов и Центральной Комиссии было направлено на вышеуказанные задачи. С октября в порядок дня ставится общественное питание голодающих. Наркомпродом утвержден уже и вносится на рассмотрение высших органов план общественных столовых на 2.000,000 человек, в значительной части детей. Ежемесячный расход хлебных продуктов и крупы предположен в размере свыше 900,000 пудов, а на всю голодающую кампанию—12 миллионов пудов хлеба, не считая мясных и других продуктов. Столовые уже начинают открываться.

Кроме вышеописанной государственной помощи, которая с течением времени, несомненно, будет все более развертываться, рабочие, крестьяне, красноармейцы и честные граждане России откликнулись на призыв ВЦИК о помощи. Повсюду рабочие, служащие, красноармейцы делают отчисления заработка, жертвуют часть натурой и пр. По неполным сведениям, собрано денежных пожертвований в пользу голодающих 7½ миллиардов рублей. Необходимо отметить пожертвование союза химиков в виде продуктов, оцененное в 4½ миллиарда рублей. Хлебных пожертвованных продуктов поступило в Центральную Комиссию и по губерниям 253,557 пудов, овощей пожертвовано и закуплено на пожертвованные деньги 195,695 пудов.

На помощь голодающим России откликнулись и рабочие всего мира. В Америке, Англии, Франции, Германии, Италии, Чехо-Словакии и друг. рабочие собрали более 3.000,000 золотыми рублями. В то время как капиталисты Антанты дают голодающим России вместо хлеба камень и не прочь „пустить в ход свинец, рабочие всего мира широким потоком идут на действительную братскую помощь голодающим крестьянам. Правда, эта помощь еще проявляется кустарно, не организованно, но она растет и, несомненно, под руководством Коминтерна, Профинтерна и Международной Кооперации достигнет больших размеров.

Нельзя не указать и на помощь со стороны неполитических заграничных организаций. Так, Советская власть заключила договоры об оказании помощи голодающим с американской администрацией, именующейся «АРА», с уполномоченным международн. Красного Креста Нансеном и германским Красным Крестом. «АРА» предполагает широко развить помощь детям. Имеющихся у нее средств достаточно для прокормления одного миллиона детей в течение 5-ти месяцев. Уже пришло в Петроград 124,000 пудов муки, рису, жиров, какао и проч. 3 поезда направлены уже в Казань, 3—в Самару. Германский Красный Крест будет оказывать помощь больным. Представители его уже приехали в Россию.

Вот та помощь, которая в течение двух месяцев развернулась для голодающего населения. Само собой разумеется, что она еще мала сравнительно с огромной нуждой. Эта помощь—только первый шаг. Впереди лежат самые тяжелые зимние месяцы, когда нужда будет особенно велика. Поэтому, усилия как Советской власти, так и граждан в борьбе с голодом должны возрастать. Нельзя успокоиться на сделанном; необходимо все шире и шире развивать помощь, необходимо каждому рабочему, служащему и гражданину дать себе ясный отчет, что одной государственной помощью нельзя победить великое бедствие. Для победы над ним необходимо сплочение всех трудящихся, необходима великая их взаимопомощь. Эта взаимопомощь должна выражаться не в случайных, единовременных пожертвованиях; она должна быть постоянной, ежемесячной. Один фунт хлеба может спасти голодного. Число собираемых ежемесячно голодных пайков даст число спасенных жизней. Трудящиеся России должны перейти к этого рода постоянной помощи. Сочетая такую помощь с государственной, мы выйдем победителями и на новом голодном фронте. «Неделя помощи голодающим» должна положить начало такой помощи.

А. ВИНОКУРОВ.

„Мы вас будем бросать“.

Во время похода *Юденича* на Петроград, осенью 1919 года, английскому правительству понадобилось для своей интервенции [illegible] прикрытие в лице так-называемого северо-западного правительства. Это прикрытие было создано [illegible]. Английский генерал Марш приказал явиться к себе русским «общественным деятелям», Кузьмину-Караваеву, Карташеву и Суворову, и в 6 часов 20 минут вечера произнес, стоя перед ними, на русском или полурусском языке речь, в которой потребовал, чтобы господа «общественные деятели» до 7-ми часов, т.-е. в течение ровным счетом 40 минут, создали северо-западное правительство указанного им, генералом Маршем, состава. На тот случай, если бы общественные деятели вздумали кобениться, генерал Марш закончил свою речь краткой угрозой: в случае несогласия или промедления «мы вас будем бросать». Это значило, что Англия перестанет платить общественным деятелям, содержать их, кормить и вооружать белогвардейские банды. «Мы вас будем бросать» означало в переводе на русский язык: мы вас выкинем в мусорную яму.

В своем докладе по поводу этого высоко-патриотического эпизода своей деятельности названная выше троица говорит: «Об отказе выполнить требования генерала Марша не могло, само собою разумеется, быть и речи». Решение было готово уже до 7-ми часов. Господа общественные деятели, первоклассные патриоты, патентованные спасатели России, каждый по очереди патриотически лизнули сапог английского генерала, который, даже не присаживаясь на стул, создал целое русское правительство.

«Об *отказе*, разумеется, не могло быть и речи». Да и как отказаться? Ведь, в основе воинственной деятельности русских монархистов, либералов и социалистов лежит великобританский или французский бутерброд. Если эту основу выдернуть, что останется, кроме жадности и задыхающегося бешенства?

Описанная выше сцена дополняется красноречивейшим письмом другого английского генерала, начальника всех союзных военных миссий в Финляндии, генерал-лейтенанта Гоффа. В этом письме английский офицер разговаривал с генералом Юденичем, как в доброе старое время русский офицер разговаривал с денщиком. «Наше обещание помочь вам,—писал генерал Гофф,—повидимому, развило мягкотельность (именно так!) среди людей».—«Союзников начинает тяготить эта черная неблагодарность...», — «Многие русские командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки...», и в заключение письма опять угроза: в случае, если «тупоумные» русские не будут подчиняться указаниям высокоумного великобританского офицера, от них немедленно отнимут припасы. Другими словами, «Мы вас будем бросать».

Северо-западное правительство, конечно, не было исключением. Правительство Колчака на востоке, правительство Чайковского—на севере, правительство Деникина—на юге, правительство Петлюры—на Украине,—все они создавались каким-нибудь иностранным генералом, полковником, а то и чином пониже. Когда наша печать говорит о том, что русские белогвардейцы всех мастей являются агентами иностранного империализма, его прямыми слугами, то это понимается обычно в том общем смысле, что монархисты, либералы, эсеры и меньшевики фактически прокладывают дорогу иностранному капиталу. На самом же деле прислужничество имеет гораздо более непосредственный, конкретный, грубый характер, принимая формы открытого холуйства. Последней точкой в этой патриотической работе, во славу России, является савинковщина, сущность которой состоит в выполнении шпионских поручений 2-го отдела польского генерального штаба. Тем [illegible].

Низкопробное, национально-политическое холуйство и циничное прислужничество русских буржуазно-помещичьих и мелко-буржуазных партий началось, впрочем, еще до октября. Временное правительство во всех своих составах формировалось под указку английского, американского и французского посольств. Уже тогда представители иностранного империализма ясно и твердо говорили, кого они хотят и кого не хотят, и намекали, что в противном случае «будем бросать». Разница лишь в том, что в тот период разговаривали не генералы непосредственно, а дипломаты и, отдавая свои предписания, позволяли господам русским демократам садиться на стул.

Ныне эта развращенная, погрязшая в продажности и унижениях политическая братия с вожделением глядит на поволжский Восток. Ей все еще кажется, что оттуда брезжит новый луч спасения. Ведь вот прошло уже несколько месяцев как генералы Марш, Гоф и другие перестали удостаивать господ общественных деятелей даже окриков, пинков и тычков. Эмиграция с ужасом убеждалась, что тина забвения засасывает ее по пояс и по грудь. И вдруг эта счастливая, эта благодетельная, эта радостная весть с Волги: там засуха, там—неурожай, там—голод, там—мучаются, там—корчатся и пухнут, там—умирают и гибнут. Какой жестокий удар по рабочим и крестьянам, а, стало-быть, и по их власти! Не ясно ли, что генерал Марш должен будет снова призвать одного из Кузьминых-Караваевых, Милюковых, Черновых, Савинковых, Церетели и приказать им: «До семи часов извольте сформировать русское правительство такого-то состава. Налево кругом, марш!»

Сколько на Волге голодных, сколько умирающих от голода? Каждая лишняя тысяча голодных, каждая новая сотня больных и умирающих вливают бальзам надежды в эмигрантские сердца. И, наоборот, каждое наше усилие, каждый успех нашей самопомощи, каждый мешок зерна, посылаемый на Волгу, каждая сотня поволжских детей, нашедшая кров и пищу в наших городах и селах, есть удар по эмигрантским надеждам интервенции и реставрации, т.-е. военного вмешательства и восстановления буржуазно-помещичьей монархии.

Помощь голодным есть для нас самопомощь—и хозяйственная, и политическая, и военная.

«Уж мы-то вас не бросим, волжские братья и сестры»,—сказали и еще не раз скажут рабочие, крестьяне и красноармейцы всей страны. При наших дальнейших неустанных усилиях в борьбе с голодом поволжское бедствие, которое подало эмиграции новые надежды, может и должно нанести ей последний удар. Ибо деловые буржуа Европы и Америки должны будут на этом тягчайшем голодном испытании убедиться, что в России нет и не может быть другой власти, кроме власти передового, коммунистического отряда рабочих и крестьян, опирающегося на миллионы трудящихся. И тогда угроза генерала Марша: «Мы вас будем бросать», будет полностью осуществлена, и русская буржуазно-помещичья эмиграция будет обращена в небытие еще прежде, чем мировой пролетариат подведет окончательные счеты со своей буржуазией.

Л. ТРОЦКИЙ.

Будем помогать всей семьей.

Детские учреждения в городах Поволжья тысячами подбирают детей, брошенных своими родителями на произвол судьбы на улицах, площадях и даже на дорогах за городами. Голод так сильно свирепствует, что материнский инстинкт перестает действовать.

Десятками тысяч тянутся обозы переселенцев из голодных губерний на запад в центральную Россию и Украину—это бегут люди безумные от горя, потерявшие надежду просуществовать на родном пепелище до следующего урожая. У них ничего не осталось позади, ничего хорошего не ожидают они и в будущем. Достаточно увидеть семью голодных переселенцев в пути, чтобы понять, как велика их нужда и как безысходно их горе.

Тянутся они бесконечными дорогами через поля и леса, ища себе хлеба и приюта. Все ближайшие к пострадавшему Поволжью губернии полны нищими. У окон крестьянских изб один нищий сменяет другого и протянутая рука постоянно просит подаяния.

Представьте себе, что вы с своей семьей оторваны от привычной вам окружающей обстановки, находитесь в холоде и под дождем и переходите от окна к окну, чтобы вымолить себе и своей семье подаяние.

Как ни тяжело живется некоторым наименее обеспеченным слоям городского и сельского населения в благополучных по урожаю губерниях, все же их положение по сравнению с голодными беженцами в тысячу раз лучше. А, между тем, совсем недавно население Поволжья, в особенности, крестьянское считалось наиболее зажиточным и жило сытной жизнью.

Безучастные цифры сводок о заболеваниях и смертях от голода растут с каждым днем. Распухшие от голода люди делаются в Поволжье уже обычным явлением.

Но самое страшное еще впереди.

[illegible]шая с опилками, зеленью, кореньями ничтожные порции муки, полученной от голодного, собранного по колосьям урожая. К середине зимы у огромной части населения Поволжья не останется никаких продовольственных продуктов.

Этого нужно ожидать, к этому нужно готовиться. Если послушать и прочитать о том, что говорится и пишется о голоде, то создается впечатление, что помощь голодающим уже оказывается. Единственная реальная помощь, которая была оказана до сих пор—это 13 милл. пудов семян, которые Советская власть дала крестьянам Поволжья. Что касается помощи продовольствием, то Россия и заграница в этом отношении ничего или почти ничего не сделали.

Продовольственная помощь по сей день находится в стадии подготовки или, что еще хуже, в стадии разговоров.

Необходимо двинуть дело и как можно скорее начать кормить умирающих от голоду людей. Уже теперь совершенно очевидно, что у государства продовольствия не хватит, чтобы спасти все голодающее население. Серьезная помощь заграницы до сих пор продолжает оставаться проблематичной. Нужно теперь же понять необходимость широчайшей взаимопомощи, понять настолько, чтобы это понимание превратилось в массовое действие. Сотни тысяч людей умрут, если эта взаимопомощь не будет с'организована.

Какая же взаимопомощь нам нужна?

Только не «общественная»! Только не в виде цыганских хоров, забористых куплетов, благотворительных базаров и т. п. Нужна помощь [illegible], простая, но ежедневная.

Не от избытков людей, тратящих свои деньги на развлечения, будут сыты голодающие Поволжья. [illegible] щедротами минутно тронутого страданиями миллионов людей случайного жертвователя накормим мы голодных крестьян и рабочих. На скромных пожертвованиях, оказываемых изо-дня в день от скудных продовольственных запасов миллионов рабочих и крестьян урожайных губерний, мы можем построить необходимую помощь Поволжью. Пусть каждая рабочая и крестьянская семья представит себе, что ежедневно с ней за стол к обеду садится голодный из Поволжья и семья дает ему равную порцию. Пусть эта доля, причитающаяся невидимому голодному гостю, отчисляется трудящейся семьей каждый день. Пусть эти [illegible] от недостатка будут собраны комиссиями помощи голодающим и отправлены в голодные губернии. Тогда мы спасем умирающих с голода людей и не дадим Поволжью превратиться в кладбище. Как можно больше нужно сблизить голодающих и жертвователей и устранить между ними лишние промежуточные организационные звенья.

Желательно даже установить между теми и другими личную связь. Ведь, мы оказываем помощь не чужим, а родным, близким. Всей нашей рабочей и крестьянской семьей нужно помогать голодным. А Советская власть со своей стороны все силы положит, чтобы спасти погибающих.

В. КУРАЕВ.

Пути к победе над голодом в Поволжьи.

Обследование всех районов, признанных голодающими, привело к следующему заключению: если учесть все потребности, продовольственные и семенные, этих районов и вычесть из них все, что дала в этот год земля и что осталось от прежних лет, то недостаток выразится в сумме приблизительно в 76½ милл. пуд. зерна. Но для благополучия Поволжья ввоза этого количества в голодающие районы было бы, конечно, мало: все произведенное не может быть взято в руки государства для совершенно равномерного распределения и правильного использования.

По вычислениям центрального статистического управления, из урожая этого года на каждую душу населения всей Республики приходится по 15,9 пудов зерна и по 6,6 пудов корнеплодов (картофель и пр.). Если бы был осуществлен коммунистический строй, то всероссийская коммуна должна была бы только все собранное за этот год равномерно и правильно между всеми распределить, и все бы обсеялись, и все были бы сыты. Даже с таким бедствием, как голод Поволжья текущего года, коммуна легко бы справилась. Но у нас еще не коммуна, и продукты земледелия находятся в руках производителей-крестьян. Учитывая все ресурсы государства, оказывается возможным выделить на голод Поволжья не более 39 миллионов пудов зерна, из которых озимый сев потребовал от государства 12 милл., а весенний возьмет не менее 15-ти. Озимый сев государство обеспечило в указанных размерах, программа оказалась своевременно и полностью выполненной. Будет, конечно, выполнен и план ярового посева. Но без помощи со стороны около 10 миллионов людей прокормиться до нового урожая не могут. Эта помощь должна итти планомерно, без перерывов. Бесполезно кормить человека несколько месяцев, если его потом хотя бы на месяц оставить без пищи: он не обсеет весною своего поля и не уберет осенью уже посеянного, может быть, хорошего урожая.

Наркомпрод прокормит два миллиона людей, кооперация, при поддержке государства, прокормит еще миллион; положим, что Наркомтруд и ВСНХ поставят на работу полмиллиона (кустари, общественные работы и т. д.) и полмиллиона уйдут самотеком в благополучные места, положим, что военное ведомство, путем добровольной мобилизации, Центроэвак, на основании декрета ВЦИК от 28-го июля, затем Наркомсобес (семьи красноармейцев, карточки «Красной Звезды», инвалиды), Наркомздрав, Наркомпрос (дети), Центроэвак (беженцы), положим, все они вывезут и обеспечат еще миллион,—все это вместе составляет пять миллионов людей. А остальные?

Рабочие всего мира идут на поддержку голодающих России и тем самым заставляют буржуазные правительства взять дело помощи в свои руки.

Организация АРА (Америка—Гувер) берется прокормить миллион детей и уже приступила к делу. За нею принуждены итти Англия, Германия и друг. страны (организация Нансена, первый маршрут уже идет в Саратов). Коммунисты всего мира собирают помощь самостоятельно и связываются через III Интернационал с Советской властью. Они увлекают за собою массы рабочих и заставляют шевелиться даже желтые профсоюзы и II Интернационал. Положим, все эти усилия обеспечат еще миллион.

И все же остается еще три миллиона голодных.

Эти могут рассчитывать только на помощь благополучных губерний. Здесь нужна работа Помгола. Она дала уже около 600 вагонов продовольствия и более восьми миллиардов (8,393,260,218) руб. Неделя помощи прибавила к этому свою долю. Но всем должно быть очевидно, что *настоящее дело еще впереди.*

Простой расчет приводит к выводу, что, если каждый благополучный гражданин даст ежемесячно (натурой или стоимостью) три фунта хлеба и ½ фунта приварка (рыба, мясо, сало, овощи, лук, сахар и т. д.), то все голодные проживут до нового урожая. К такого рода ежемесячным взносам зовет последняя инструкция Ц. К. Помгола, где месячный паек голодному установлен в 30 фунтов хлеба и 3 фунта приварка. Каждые 10 человек благополучных содержат одного голодного. Кто может больше, пусть даст больше. Малообеспеченные семьи соединятся вместе, чтобы ежемесячными взносами обеспечить хотя бы одного ребенка.

Таковы пути к победе над голодом в Поволжьи. Они есть. И все граждане России пойдут к преодолению великого всенародного бедствия, сливая свою работу с работой Советской власти.

П. СМИДОВИЧ.

Первое заседание союзной комиссии помощи голодающим.

Среди других бумаг, полученных В. Ч. К. из кругов иностранных контр-разведок, нашлось пять меню французского ресторана, на обороте которых находилась стенограмма неизвестного метода. Стенограмму эту удалось расшифровать, и оказалось, что перед нами был первый протокол заседания союзной комиссии помощи голодающим. Мы ручаемся, что этот протокол более отвечает исторической истине, чем все документы лорда Керзона, вместе взятые.

Редакция «Правды».

Делегаты союзных держав собираются в повышенном настроении после хорошего завтрака. Председателем избирается французский министр-президент Бриан.

Бриан.—Господа, я открываю заседание и предлагаю избрать председателем комиссии господина Жиро (русский эксперт английской делегации записывает несколько слов на листе бумаги и передает его английскому министру иностранных дел Керзону. Керзон просит слова). Как видно, мое предложение вызывает возражение наших английских друзей. Я буду мотивировать свое предложение. Господин Жиро долгое время был текстильным фабрикантом в Москве. Так как он, прежде всего, должен был позаботиться о развитии производительных сил этой несчастной страны, то занятые у него работницы жили впроголодь, но он сумел, при помощи религиозных церемоний, по крайней мере, подбодрить дух этих несчастных. Господа, будет трудно побороть русский голод. Необходимо, по крайней мере, постараться, чтобы дух голодающих был на стороне союзников. Поэтому я и предлагаю господина Жиро.

Керзон.—Молодой друг, из состава английской делегации, знающий русский язык, обращает мое внимание на то, что эти проклятые большевики, еще не павшие духом, сделают мишенью для своих недостойных шуток имя нашего уважаемого господина Жиро. Это имя очень похоже на русское слово «жирный», «жир», и Демьян Бедный в скором времени начнет писать стихи по поводу того, что жирный хочет кормить тощего. Я предлагаю, поэтому, избрать председателем господина Нуланса. Ведь он стоял во главе торгового общества, продававшего свои товары Врангелю. В последнее время он эти товары переправил в Польшу, чтобы оттуда их контрабандным путем ввезти на Украину. У него, поэтому, есть достаточно опыта в борьбе с голодом, который можно одолеть только при помощи благодеяний торговли и коммерции.

Бриан.—Вы опять о том же?! Вы прекрасно знаете, что Нуланс был первым организатором голода в России. Вы хотите скомпрометировать все дело, чтобы затем одному хозяйничать в России.

Керзон.—Разоблачения г. Бриана удивляют меня. Я не имел никакого понятия о том, что наши французские друзья вмешивались в русские дела, но я убежден, что опасения г. Бриана не обоснованы. Русские прекрасно осведомлены о последних заслугах Нуланса в деле развития торговли с Россией. Они только будут рады этому покаявшемуся грешнику.

Бриан.—Ну, хорошо, мы согласны. Если большевики отвергнут Нуланса, тогда они только докажут, что они недостойны помощи.

Нуланс занимает место председателя.

Нуланс.—Господа, наша комиссия не преследует никаких политических целей. Мы будем говорить о голоде, а не о политике. Как только мы начинаем говорить о политике, мы колотим друг друга до тех пор, пока голод не об'единяет нас у стола за завтраком. (Все: «Браво!»).

Ген. По.—Я далек от всякой политики. Я хотел бы только знать, что входит в область нашей работы. Я—убежденный католик, и в качестве такового полагаю, что забота о дожде лежит на боге. Если в России была засуха, то это только наказание божье.

Керзон. (Вынимает маленькую английскую Библию, которую он всегда носит с собой на шелковой ленте в кармане). Насыти голодного и напои жаждущего,—говорит бог-отец.

Ген. По.—Да, но это дело благотворительности всегда находилось в руках церкви. Пусть большевики пустят в Россию иезуитов. При этом я обращаю внимание на то, что мой друг, Рябушинский, ожидает очень благодетельного влияния костлявой руки голода на бунтарский дух русских.

Из-за занавеси появляются Керенский, Милюков, тащат Бриана за полу и шепчут ему что-то на ухо.

Бриан.—Господа, мы должны, по крайней мере, показать русскому народу свою добрую волю, что мы действительно ему желаем помочь. Если мы не сумеем ему помочь, благодаря злостной воле большевиков, то костлявая рука, о которой только что говорил заслуженный солдат, окажет тем большее воздействие. Я предлагаю перейти к дискуссии о конкреных предложениях.

Керзон.—Хлеба мы в Россию послать не можем: (Крики с места: «Почему? Почему?»). Хлеба у нас нет, хлеб есть у Америки. Было бы несправедливо, если бы все страны стали посредниками американского влияния в России. (Американский делегат: «Мы вас об этом не просили»). Японский делегат любезно улыбается Керзону и американскому представителю Гарвею). Хлеб необходимо достать в самой России. Необходимо предоставить кредиты нашим экспортным фирмам. Наши купцы скупят в Сибири, на Украине и на Северном Кавказе хлеб, а затем продадут его русским.

Американский представитель Гарвей.—Это недурно. Вы, таким образом, создадите свой собственный торговый аппарат в России, заработаете 100 проц. и убьете всякую конкуренцию. Немцы не были совсем неправы, когда они говорили об английском ханжестве. (Все кричат в один голос, Бриан кричит громче всех).

Бриан.—А вы уже вошли в соглашение со своим другом Стиннесом? Эта немчура ведь скупил имения Скоропадского на Украине.

Нуланс.—Господа, дружественные переговоры до сих пор доказали, что вопрос еще недостаточно подготовлен. Необходимо избрать следственную комиссию, которая займется изучением всех предварительных вопросов. Я предлагаю, чтобы мы разбились на подкомиссии. Одна подкомиссия должна заняться изучением обеспечения хлебом России со времен Рюрика до Цурюпы. (Крики с мест: «Внимание! Внимание! вот как они хотят затянуть дело!»). Я вижу, что наши английские друзья считают этот способ недостаточным. Я, поэтому, предлагаю избрать специальную комиссию, которая займется исследованием английских методов создания и устранения голода в Индии. (Крики: «Какое бесстыдство!»). Далее: русская статистика всегда была скверной. Мы должны произвести в России подсчет населения, скота и урожая. Конечно, все это мы должны сделать самостоятельно, так как пользование статистическими цифрами г. Попова, руководителя русского статистического управления, было бы равнозначуще признанию Советского правительства де-факто. Затем, что такое голод? Это понятие очень относительное. Необходимо научно установить, как мало нужно русскому, чтобы не умереть. Русские изобрели совершенно новые методы избежания смерти. Мы должны позаботиться о том, чтобы они не слишком перелопались за наш счет. Об этом не забывает даже и г. Лиман Броун, представитель высокосердечной американской филантропии. Я думаю, господа, что нам необходимо несколько месяцев, чтобы привести в исполнение эту програму. (Крики: «А что за это время случится с голодающими крестьянами в России?»). Английский министр-президент Ллойд-Джордж ведь сам сказал в английском парламенте, что голод в России представляет собой самую большую мировую катастрофу в течение последних столетий. Как же можно в течение нескольких месяцев побороть такого рода катастрофическое бедствие? Мы, без сомнения, за это время подойдем к решению этого вопроса. (Крики: «Вы уже подходите к его решению! Вы послали солдат в Верхнюю Силезию и аэропланы—в Румынию!»).

Бриан.—Господа, вы уже утомлены. Поэтому дебаты отвлекаются от сущности предмета и принимают характер взаимных подозрений (крики: «Старый мошенник!»), которые не могут улучшить ни взаимоотношений союзников между собою, ни облегчить страданий несчастной голодной России. Сострадание—дело священное. Поэтому я предлагаю прервать заседание и пойти к столу. После обеда мы можем приступить к избранию комиссий.

Нуланс.—Господа, первое заседание подвинуло вопрос о помощи голодающим в России на один шаг вперед. Союзные державы показали русскому народу, что, несмотря на все преступления большевистского правительства, они не забыли о миллионах и десятках миллионов русских солдат, павших за дело союзников. Пусть русский народ знает, что мы о нем не забываем, что после обеда мы приступим к выборам комиссий.

(Все встают. Ген. По крестится. Жиро осушает слезу, несмотря на затруднения, с которыми ему приходится поднимать свою жирную руку. Керзон перелистывает Библию. Двери открываются настежь, лакей громко провозглашает: «Господа, стол накрыт!»).

Из протокола союзнической комиссии помощи голодающим списал

КАРЛ РАДЕК.

Пролетариат и буржуазия Запада в деле помощи голодающим.

Помочь голодному, помочь ребенку, умирающему от голода. Что может быть естественнее такой помощи, для которой требуется только сердце, не окончательно заплывшее жиром. А, между тем, и это самое элементарное чувство сострадания к голодному в настоящее время отсутствует у многих людей, гордо называющих себя демократами и даже социалистами.

Та жестокая классовая борьба, которая кипит теперь во всем мире, в которой со стороны буржуазии поставлены на карту все ее права и привилегии, сделала для буржуазии недоступными и непонятными даже такие элементарные чувства, как сострадание к голодным, умирающим детям. С другой стороны, энергичная борьба, которую неустанно повсюду ведет рабочий класс за осуществление великих идеалов социализма, за уничтожение всякого страдания, делает его крайне чутким и отзывчивым на каждое страдание. В особенности чутко относится теперь пролетариат всего мира к страданиям русского народа, который принес в борьбе за торжество социализма великие жертвы, претерпел великие страдания.

Ежедневно читатели находят в газетах сведения о том, как реагирует заграница на голод в Поволжьи. Эти разрозненные, отрывочные сведения дают яркую картину той ожесточенной классовой борьбы, которая кипит теперь во всем мире между угнетенными и угнетателями и отражается в борьбе за помощь голодному авангарду мировой пролетарской революции. Помочь голодной Советской России—это значит для рабочих поддержать главный пока очаг и авангард мировой пролетарской революции. Наоборот, чем ярче и полнее эта помощь, тем яснее для капиталистов, что неизбежен, что близок час их гибели.

Естественно, что капиталисты не только всячески уклоняются сами от помощи голодным, но пытаются сорвать эту помощь, когда она организуется другими.

«У России имеются достаточные денежные средства»,—нагло заявила недавно Лига Наций, когда перед ней был поставлен вопрос о помощи голодающим. Мы должны воспользоваться затруднительным положением России, чтобы добиться от нее уплаты царских долгов,—говорят газеты французских ростовщиков, а послушное этим ростовщикам французское правительство наталкивает на нас польских панов. А русские белогвардейцы за границей умоляют капиталистов не помогать Советской России, а наоборот, помочь им—капиталистам и помещикам—вернуть свои былые богатства и снова закабалить трудовой народ.

В своем стремлении сорвать, саботировать помощь голодающим европейская буржуазия ничем не стесняется. Она запрещает рабочим устраивать сборы, митинги и демонстрации, она отнимает, конфискует те деньги, которые рабочие все-таки собирают. Такой случай произошел, например, в Силезии. А чехо-словацкий буржуазный союз учителей тайком решил отправить голодающим в Россию только небольшую часть собранных для голодающих денег; остальные он хотел употребить на улучшение положения русских белогвардейцев за границей.

Но, несмотря на все эти старания западно-европейской буржуазии сорвать работу помощи голодающим Поволжья, среди пролетариата Зап. Европы и Америки кипит работа по организации этой помощи. Профессиональные союзы и политические партии горячо призывают рабочих к пожертвованиям. Рабочие Зап. Европы и Америки сами теперь жестоко страдают от безработицы и от понижения заработной платы, но тем не менее они охотно откликаются на призывы о помощи. Повсюду производятся отчисления из заработной платы; в Чехо-Словакии, например, такие отчисления ввели все профсоюзы. В Швеции, во Франции и в Англии коммунистические партии и союзы молодежи организуют «недели» помощи голодающим. Всего месяц, как началось движение, оно еще не разгорелось; отчеты о многих пожертвованиях еще не получены. Но уже теперь рабочими Запада и Америки собрано более 3 миллионов золотых рублей. Рабочие Соедин. Штатов уже собрали 2 миллиона золотых рублей, а всего они предполагают собрать до 40 миллионов.

Но пожертвования собираются не только деньгами, а и вещами. В Германии рабочие жертвуют много инструментов. В Бремене рабочие одного завода решили пожертвовать один локомотив. Рабочие другого завода — один грузовой автомобиль. Иногда пожертвования носят трогательный характер. В Литве сидящие в тюрьме коммунисты отказались от тюремного пайка в пользу голодающих.

«И кипит, поспевает работа». А буржуазия стремится сорвать ее. Классовая борьба разгорается вокруг такого элементарно простого, всем понятного дела, как помощь голодному.

Трудящиеся всего мира соперничают друг с другом в великом деле помощи голодным. Русский пролетариат привык быть всегда в авангарде рабочего движения. И в деле помощи голодным он не отстает от своих западных товарищей. Голодая сам, он кормит голодных. Образцы энергичной помощи западно-европейских и американских товарищей только удвоят его энергию в этом великом, благородном деле.

Н. МЕЩЕРЯКОВ.

Красная армия на голодном фронте.

Рабоче-крестьянская Красная армия не раз была призываема на хозяйственный фронт и на этом фронте одержала не одну славную победу: достройка Казанбургской железной дороги, работа Красной армии в Донбассе и в Грозном, посевная кампания весной настоящего года—таковы главные трудовые подвиги Красной армии на хозяйственном фронте.

Теперь началась «переброска» Красной армии на голодный фронт. Вместе с рабочими и крестьянами красноармейцы в дружном усилии берутся за борьбу с голодом. Многое на голодном фронте Красной армией уже сделано, но предстоит сделать еще гораздо больше. В сборе продналога и в осенних запашках Красная армия и все ее органы, начиная от центральных штабов и управлений и кончая ротными командирами и ротными политруками, принимают деятельное участие.

В то же время из своих скудных ресурсов красноармейцы, сами иногда не доедая, выделяют все, что возможно, чтобы помочь голодающим крестьянам Поволжья.

Работа кипит. В центре и во всех округах образованы комиссии по оказанию помощи голодающим и все армейские аппараты (штабные, управленческие, технические и политические) мобилизованы на эту работу. Вербуется в голодающих районах молодежь для пополнения наших военно-учебных заведений, старшие возрасты призываются на службу в милицию, перебрасываются допризывники в Туркестан, идет учет семей красноармейцев. Организуются ремонтные работы для голодающих, идет извлечение из складов непригодного военного имущества, старое снотшенное обмундирование перешивается в одежду для детей. С небывалым размахом разгорается агитационная работа политических органов Красной армии по вопросу о голоде и контр-революционных попытках срыва всей голодной кампании путем интервенции и посылки банд на Украину.

Наконец, началась подготовка к всероссийскому субботнику помощи голодающим. К этому дню некоторые красноармейские части закончат устройство детских домов и столовых, которые впредь будут содержаться на их процентные отчисления и добровольные пожертвования. В день всероссийского субботника Красная армия напряжет все свои силы для того, чтобы продвинуть переброску голодающих, организовать для них питательные пункты и бани, обмолотить запоздавший хлеб, набросать из своих мастерских одежду и обувь и в экстренном порядке произвести сбор продуктов. Ни одна воинская единица не останется в стороне от этой работы. Политический и комиссарский состав Красной армии озаботится о том, чтобы всем дать работу, всех привлечь на борьбу с голодом.

В этом зрелище дружных усилий на голодном фронте рабочих, крестьян и красноармейцев, не павших духом перед грозным бедствием, пришедшим после семи лет разорительной войны, есть что-то поистине величественное, героическое. Настолько величественное, что пониманию наших врагов оно недоступно также, как был недоступен им героизм рабоче-крестьянских и красноармейских масс в годы гражданской войны.

Как тогда, так и теперь им кажется, что Советская Россия находится на краю бездны и что достаточно только подтолкнуть ее, чтобы она свалилась. Но как тогда, так и теперь они ошибаются в своих, кажущихся им безошибочными, математически правильных расчетах. Источник силы Советской России—в самодеятельности народных масс, беззаветно ведомых вперед и воодушевляемых Российской Коммунистической Партией. Этого наши враги не понимают и никогда не поймут, ибо буржуазным умом Советскую Россию не понять, буржуазным аршином ее не измерить.

С. ГУСЕВ.

Ждут.

Я видел сам немой тревогой глаз,
Как там, на берегах пожелклой
Волги,
У пристаней — становища-поселки
Лежат и ждут—и ждут свой черный
час.

Окружены: с косой шагает смерть...
Из зоны выходит, челюсти оскаля...
В тряпье, как листьях, солнечном
опале,
Они—наземник, жадающий смердь.

Как-палки—руки, ноги—две
тросинки,
Как бревна—ноги, руки—кругляки.
И зубы выпали—здесь, на худой
холстинке,
И кудри выпали—плешь темя,
плешь виски,
И огонь зрачков—одна зола
на углях.

Под крышей круглых заплат они
теснятся,
И каждый, каждый червем шевелится,
Отбиваясь от вши, своего домочадца,
Открывая гробу искаженные лица,
Ломаясь на пытке черных корчей:
Всмотритесь зорче...

И вслушайтесь чутче:
Как дыханье их хрипит в груди,
Как журчит в желудке пустырь,
Как мучительно стонет думой
горючей
Богатырь
В пути...
И в шепот вслушайтесь чутче:

— Его продать бы...
— Ее продать бы...
— Продать бы себя...
— Смерть или корочку...
— Мма... хлебушка...

Одни, одни,—ни лошади, ни кошки.
Пучка соломы нет, одно рванье.
Вповал, то на земле, то на рогожке,—
Лежат, вверху кружится воронье.

ИВАН ФИЛИПЧЕНКО.

Голод и эпидемии.

Голодовка всегда и везде влечет за собой развитие эпидемических заболеваний. Происходит это, прежде всего, от того, что ослабленный голодом и лишениями организм не может противостоять заразе. Ибо организм человека—крепость, защищенная механическими приспособлениями и биологическими силами; а болезнь—враг, ведущий подчас правильную осаду; чем слабее оборонительные силы крепости, и чем сильнее осаждающие, тем скорее человек падает, сраженный заразой. Вот почему болезни, особенно заразные—явления социального, а не узко-медицинского порядка, вот почему распространение болезней является не случайным, а подчиняется строго определенным законам.

Появившаяся в одном месте эпидемия во время войн и голода быстро разносится по другим местам. Способствует этому массовое передвижение населения, причем это передвижение совершается в крайне анти-санитарных условиях.

Именно это и наблюдалось у нас в голодающих местах тотчас же, как только определился голод. Понятно, какую тревогу вызвали первые эпидемические вспышки холеры. Чрезвычайная загрязненность приволжских городов (своим антисанитарным состоянием они отличались издавна; вот, между прочим, почему они всегда, во все холерные эпидемии, представляли для них излюбленное место); массовое, стихийное передвижение голодающего населения; антисанитарное состояние переселенцев по железным дорогам и еще в сто раз худшее по гужевым путям; и вдобавок массовое рассеяние холеры, появившейся чрезвычайно рано нынешним жарким летом в самых разнообразных местах Республики (даже в благополучных по урожаю губерниях, как: Воронежская, Орловская)—все это заставляло тотчас забить набат, сигнализировать громадную опасность.

Бороться с холерой было в высочайшей степени трудно. Но трудящиеся нашей Республики, закаленные в борьбе и испытаниях, не спрашивают: трудно или не трудно; возможно или невозможно? Они только спрашивают: нужно-ли? Победить холеру было нужно, ибо она грозила неисчислимыми и даже трудно предвидимыми бедствиями. И холера была сравнительно скоро побеждена.

История этой борьбы с неопровержимой ясностью доказывает, что победа досталась вовсе не в результате случайно благоприятно сложившихся обстоятельств. Победа эта—вовсе не «счастливый случай». Наоборот, все обстоятельства сложились в высочайшей степени неблагоприятно: жара в Поволжье стояла до самого конца лета; водное, пароходное движение переселенцев и мешечников не уменьшалось, а увеличивалось (а холера—водная эпидемия); фрукты и овощи составляли главнейшую пищу голодающих и особенно переселенцев. А звой «пал на воду» и на овощи.

Хроника прекращения эпидемии в разных местах совершенно точно свидетельствует, что чем раньше принимались нужные меры, тем быстрее ликвидировали заразу. Первым встрепенулся Ростов-на-Дону. Вначале 200 — 300 человек заболевало там ежедневно. Мобилизовано было все население, проведены массовые прививки; поставлены были карантины при в'езде в город: никого не впускать и никого не выпускать непривитым; развита была бешеная санитарно-просветительная деятельность (о мерах предупреждения заболеваний). Через месяц холера стала быстро спадать, а через полтора почти совсем прекратилась.

Образцом города, где местные власти особенно энергично принялись за холеру, является Саратов: губисполком там и особенно его председатель быстро поняли опасность. При постоянной твердой поддержке губисполкома здравотдел скоро взял эпидемию в руки, и этот город, вековой рассадник холеры, был поразительно быстро обезврежен. Интересная подробность: как только саратовцы успокоились победой, распустили чрезвычайный орган, немного ослабили энергию, холера вновь подняла было голову: прекращенная почти совершенно она потом дала довольно длинный и толстый «хвост».

Несколько заколебалась и не взяла надлежащего тона Самара; здравотдел не встретил там должной поддержки, и самарцы поплатились: холера там прекратилась значительно позже; тысячи лишних ненужных жертв были вырваны из среды голодающих.

Теперь холера уже не представляет активной опасности; «хвосты» в Сибири и на Урале должны быть ликвидированы и будут ликвидированы. Но не нужно забывать ни на одну минуту, что голодное население «ранимо» ко всякой заразе.

Уже появляются сведения о росте сыпняка; кое-где увеличивается брюшной тиф; в других местах — возвратный. Недаром тифы называют «голодными». Ни один голод не проходил без тифозной эпидемии, и есть все основания опасаться, что взрыв тифов мы будем наблюдать и этой зимой.

Вот почему теперь же, не теряя ни одной минуты, мы должны перестраивать наши ряды на противотифозный фронт. Холера — водная эпидемия; сыпняк—вшивая. В зависимости от этого характера эпидемий мы и должны перестроить нашу тактику. Опыт противосыпнячной кампании у нас есть; аппарат имеется. Надо сейчас же пустить его в ход, не допуская развития эпидемии.

История противохолерной борьбы в тысячу первый раз показала, что чем раньше примешься за работу, тем легче предупредишь или тем быстрее победишь заразу. В отношении сыпняка это верно вдвойне, ибо в борьбе с ним мы не имеем такого «отрезывающего» (купирующего) средства, как прививки. Вот почему сыпняк в сто раз легче предупреждать, чем прекращать.

Такие предупредительные мероприятия должны быть поставлены сегодня же в порядок дня работы.

Н. СЕМАШКО.

Дети умирают.

Весь хлеб, всю траву, все растущее выжгло в Поволжье палящее солнце, и теперь, как трава в поле, гибнут детишки, малыши... Сохнут от голоду, превращаются в кожу да кости, становятся поразительно легкими или пухнут и теряют облик человеческий. А с распухших и высохших лиц смотрят такие жалкие, измученные глаза. У людей слишком бедное воображение. Если-бы они могли себе представить эту ужасную действительность, эти жалкие детские глаза, они не могли-бы дальше жить, не предпринимая что-либо, чтобы положить конец этому ужасу, этому кошмару. Ведь, это-же не трава, это наши дети это те, кто должен придти нам на смену, ради кого мы боролись и боремся за лучшее будущее. Мы любим детский звонкий голосок, детские глазки, детские пухленькие ручки, перехваченные ниточкой,—детскую бесхитростную болтовню. И мы их оставляем беспомощно умирать с голоду. Многого ли мы стоим, если не сумеем их спасти!

Неужели революционная страна, которая сумела справиться с врагами революции, не сумеет защитить от голода своих умирающих с голоду малышей?

Сумеет! Надо только, чтобы страну охватил такой-же порыв энтузиазма, какой охватывал ее, когда ей угрожали белые. Чтобы коммунисты взялись горячо за это дело, увлекая за собой других.

Самое важное—суметь сорганизовать дело, во время и толково, планомерно придти на помощь.

Надо не только жертвовать деньги и вещи, надо вложить в это дело свои силы, надо взять на себя заботу о детях, отдать им время, внимание, пожертвовать своим покоем, своими планами, как жертвовали раньше всем этим для фронта. Тогда и выйдет дело, тогда удастся спасти ребятишек.

Н. КРУПСКАЯ.

Наша гордость.

Примером рабочей отзывчивости к крестьянскому бедствию может служить лента, внесенная для помощи голодающим волжанам рабочим электрической станции тов. Евдокимовым, пожертвовавшим: меховую шапку, одну нательную рубашку, суконные брюки, три стула и двадцать штук селедок, полученных из пайка.

«Коммунист. Труд».

В писаниях попов почти что нет страницы,
Где-б не твердилося—на поученье нам—
Про лепту некоей евангельской вдовицы:
—«Се, братья, вам пример.—Пожертвуйте... на храм!»
Сия вдова, что так священников любила,
Нам всем оскомину набила.
Но хитрых пастырей на спор я не зову.
Пусть их поминают несчастную вдову
В своих речах в конце обедни!
Для нас, друзья мои, в мильоны раз ценней
Пример, рисующий величье наших дней,
Пример, что в надписи к моим стихам приведен.

ДЕМЬЯН [illegible]

Работницы в борьбе с голодом

Работница всегда была на-страже революции. В тылу и на фронте она поддерживала рабочего в его борьбе. Во всех кампаниях она принимала самое горячее участие.

Казалось, прошли черные дни. Усилиями Красной армии положен конец гражданской войне. Явилась надежда мирным трудом восстановить народное хозяйство. Но вот набежала снова черная туча над рабочей Республикой, и отчаянная засуха лишила десятки миллионов людей куска хлеба.

Республике угрожает новая опасность. Сегодня голодает Поволжье, а завтра будем голодать и мы, если не дадим им семян для посева, если не спасем от голодной смерти тех, которые всегда снабжали нас хлебом.

Работница и в этом несчастии оказалась на-страже. Она понимает, что нельзя оставаться равнодушной к тому, чтобы цветы нашего будущего, дети, гибли от голодной смерти. Поэтому повсюду работницы принимают в работах комиссий по оказанию помощи голодающим самое горячее участие. Отделы работниц выделяют своих постоянных представителей в губернские, уездные и районные комиссии. Работницы-делегатки организуют совместно с ОНО детские дома для голодающих и приемники (Москва). Работают над разгрузкой детских домов для голодающих ребят. Устраивают спектакли в пользу голодающих и всевозможные сборы (Саратов). Помогают оборудовать и открывать питательные пункты. В Сердобском отделе женотделом разосланы по селам работницы для организации комитетов взаимопомощи. Крестьянки живо откликнулись и принимают деятельное участие в работах комитета.

Работницы Москвы также не отстают. Уже несколько месяцев работницы шьют на вечеринках при клубах или отделах работниц белье и платья для детей голодающих. Во время этих вечеринок отделы работниц ставят там собеседования. За последний месяц таким образом было сшито около двух с половиной тысяч штук белья. В настоящее же время все сшитое отправляется Московским Женотделом с двумя представительницами в Чувашскую республику. Еще раньше туда же выслано несколько представительниц с маршрутным поездом.

Большое участие принимают московские работницы и в проведении «недели» помощи голодающим, помогая в кружечном сборе и сборе вещей и продуктов. С этой целью Московским отделом работницы выделены во все специальные подкомиссии.

Без сомнения, работницы не остановятся на всех этих начинаниях, а будут итти в борьбе с голодом вместе со всеми трудящимися до победного конца.

А. У.

Алтынники.

В Рогожско-Симоновском районе торгашами пожертвовано в пользу голодающих всего на всего 45 коп. серебром и один кочан капусты.

Из газет.

— «За именинника!»
— «Ур-ра!»
— «Ур-ра!»
— «Ур-ра!»
— «Парфентьевна, всего!»
— «Мерси вам!»
— «Дай вам, боже!»
— «Сысой Сысоич, э, ты что-ж
Пей водочку до дна».
— «Уж больно, брат, остра!»
— Отвык, хе-хе?
— «Отвык.»
— «Привыкаешь, милый, снова
Торговля как?»
— «Нельзя сказать худого слова.»
— «А-ну-ко-сь под осетра!»
— «Я под икорочку.»
— «М-да, знатная икра!»
— «Нет, вы севрюжинки попробуйте, какая.»
Хозяин потчует гостей, в кулак икая:
— «Сыр, не угодно-ль, со слезой.
Сысой Сысоич... э... Сысой!..
Не допиваешь, брат. Не дело.»
— «Чего не донил? Перепой!»
— «С такой-то жалости? Едва-ли.
Уж мне-ль не помнить, как с тобой
В былое время мы пивали.»
— «Вот на!»
Поскреб Сысой Сысоич темя:
«Так то-ж в былое время!»
— «Эй, старина,
Да ты в уме-ли?!»
Все гости сразу зашумели:
«Чем плохи нынче времена?
Там расторгуемся . . .».
— «Сысоич, брось хулавить.
[illegible] и чем ломаешься? Ты прямо говори:
Прибытку, чай, наскреб вчера мильона три?»
— «Мильона три, хе-хе, да Семь еще прибавить!»
Осклабился Сысой—«и то сказать, вчера
От покупателей с утра
В Москве ломились магазины.
Ведь, что ни дом, то именины.»
— «За р-ривалюцию . . . ур-ра!»
Вдруг у какого-то купчины
С отрыжкой вышел тост из самого нутра.
— «За р-ривалюцию!!»—купцы хватили дружно
А громче всех хватил Сысой.
— «Теперь особенно считаться нам не нужно
Со всякой сволочью босой!»
— «Чтоб ей подохнуть, окаянной!»
Тут с рожей плачущей, притворно—покаянной,
Стал обходить Сысой гостей,
Протягивая им тарелку из-под каши:
— «По-дай-те, милостивцы наши,
Для голодающих волжан и их детей!»
— «Ох-хо-хо-хо-хо!»
— «Ох, в рот те сто чертей!»
— «Ой, уморил нас, шут плешивый!»
— «Ой-ой!»—за животы хватались купцы:
«Ты сам-то... жертвовал?»
— «Пожертвовал, отцы...
Пятиалтынничек... фальшивый!!»

Я мог-бы дать мораль, и даже не одну,
Но дело вовсе не в морали,—
И соль не в том, что мы в гражданскую войну
Не до чиста (пока!) Сысоев обобрали—
Нет, не к тому я речь веду.
Сысоев много-ли? Сысои на виду,
И будь все горе в них, мы-б их прижали разом.
Но вот Сысойчики—густую их орду
Окинуть трудно глазом.
Для революции стократ
Орда Сысойчиков опасней.
Как с ними справиться—не скажешь краткой басней,—
Тут надобно писать не басню, а трактат.

Прибавлю все-таки алтыннику—Сысою,
В честь «ривалюции» кричащему ура:
—Сысой, прошла твоя цветущая пора.
Смерть за тобой стоит с косою.
Ты и Сысойчики—вы ожили на срок,
Но вас не пощадит неотвратимый рок.
Настанет некий час, «его-же вы не весте»,
Час пролетарского суда,
Победный, грозный час, когда
Вы вашей подлости плоды пожнете вместе!

ДЕМЬЯН БЕД[НЫЙ]

Через 10 лет.

1921 год был поворотным годом в развитии крестьянского хозяйства России. Тяжелый кризис сельского хозяйства, начавшийся во время войны, достиг своей высшей точки по всей республике в неурожайный 1920 год, а в Поволжье—в повторный неурожайный год для этого района в 1921 г. Но уже в 1921 году в большей части республики, в связи с окончанием войны и переходом всей страны на мирные рельсы, с одной стороны, под влиянием замены разверстки продналогом—с другой, начинается сдвиг крестьянского хозяйства с мертвой точки. Расширение посевной площади на Севере, обнаружившееся еще раньше, продолжается. 1921 год начинается расширением площади в центре и на Украине. С 1922 года начинается оживление в Поволжье.

Сначала дело идет, главным образом, лишь о возвращении к площади посева, существовавшей до войны, а на Севере расширение происходит за счет земель, не бывших в обработке даже и перед войной вследствие убыточности земледелия в этом районе. Меньше пока усилия направляется на улучшение обработки, но и в этой области движение воды началось. Под влиянием усиленной агитации работников Наркомзема, агрономической литературы, плакатов, почина демобилизованных красноармейцев, прослушавших лекции по агрономии, под действием примера хорошо работавших совхозов и образцовых коммун, хозяйств крестьянство начинает практиковать раннюю вспашку, двоить пары, сортирует семена, вводит рядовой посев, вывозит на поле без остатка весь навоз, мелет фосфористые камни и удобряет фосфористой мукой поля, переходит постепенно от трехполья к плодосменной системе и т. д.

Ряд лет с перемежающейся засухой, приучает крестьянство ценить всякое улучшение в хозяйстве, хоть немного увеличивающее сопротивляемость посева засухе. В результате всех этих мер, в годы с небольшой средней осадков, урожаи приближаются к теперешним средним, а в годы нормальные дают сбор в полтора раза больше, чем теперь.

За первыми улучшениями, не требующими на особо больших затрат и труда, ни значительной ломки во всей системе хозяйства, начинают понемногу осуществляться улучшения более серьезные, меняется постепенно весь уклад крестьянского хозяйства. И, как когда-то в промышленности переворот революции в мануфактуры, так и теперь революция в хозяйстве идет от машины. Этой машиной является трактор, с одной стороны, электроплуг—с другой. Первые 3.000 тракторов, полученные Советской властью из-за границы, направляются, главным образом, в совхозы, и их действия на крестьянские хозяйства почти не заметно. Точно так же и первые электроплуги пашут преимущественно землю под огороды в окрестностях больших городов. Но постепенно ввоз из-за границы и выработка тракторов на своих заводах все увеличиваются, и от районных электрических станций все больше и больше уделяется энергии для электрической вспашки в окрестных волостях. Трактор не только глубоко врезывается в землю, но и врезывается в самые устои индивидуального крестьянского хозяйства. Он перепахивает межи крестьянских полос, лежащие у него на пути, и, взрывая межи, делает засев крестьянского поля и, следовательно, уборку коллективной. По двум линиям идет поднятие производительных сил деревни: коллективная запашка тракторами, улучшающая обработку и сокращающая труд, и мелкое интенсивное земледелие детского типа, увеличивающее урожайность, но и увеличивающее количество крестьянского пота, падающего на каждую сажень земли.

Первый путь—путь использования последнего слова техники, мощных машин, освобождающих человечество и позволяющих социалистическому земледелию поспевать за индустрией,—этим паровозом истории. Второй путь—путь выжимания до последней капли соков из того, что может дать обществу позавчерашний день его хозяйственной истории—[illegible] Передовое меньшинство вступает на второй. Нетрудно сказать, что победит. Но в 1931 году борьба в самом разгаре, и староверы упорно [illegible] урожай до 100 пудов с десятины, равняясь с коммунами, на с.-х. выставках их овощи берут первые призы. Но они уже подходят к последней грани, за которой остановка в развитии, а значит, и поражение. У них нет будущего и это будущее, молодежь с хуторов и ферм, уходят в коммуны. Она хочет учиться, слушать лекции и петь песни с коммунарами, раньше кончающими свой рабочий день. Пусть упрямые староверы сами пытаются обогнать на ногах паровоз истории.

А как же дело идет в Поволжье? Оно идет так же, как в остальной Советской России. На поезде из Пензы в Самару едут три крестьянина. Они сели в вагон, а не на его крышу (как это бывало десять лет назад), не стояли в очереди и не платили кондуктору налога на взятках. Безжизненные, выжженные, желтые поля Самарской губернии 1921 года нельзя было узнать. Кустистые зелени посевов перемешались с большими и малыми участками вспаханного бархатного чернозема.

На малых полосах, невдалеке от высолок, пахали плугами староверы,—каждый на своей полосе. На огромных черных квадратах большого поля поднимал землю на 5 вершков вглубь тракторный отряд в 6 машин. Первые начинали работу, вторые уже кончали. Один из крестьян был свидетелем бедствия 1921 года и рассказывал ужасы этой голодной зимы [illegible] которую во-время прислали из урожайных губерний братья рабочие и крестьяне.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Золото и голодная смерть.

«Все мое»—сказало Злато.
«Все мое»—сказал Булат.

В средние века много людей искало «философского камня». Этот философский камень должен был открыть способ «делать золото». «Делать золото»—это была всепоглощающая страсть для нарождавшейся буржуазии. Ради золота она грабила на больших дорогах. Ради золота она предпринимала пиратские экспедиции. Ради золота ее ученые потели в поисках философского камня.

И она нашла этот философский камень. Правда, это был совсем особенный камень, непохожий на все остальные. Ибо это была живая, горячая человеческая кровь. Капиталист создал такую дьявольскую мастерскую, в которой шла страшная чеканка. Миллионы людей были распластаны на станком. И из их жил выкачивалась и точилась вечно и ежесекундно красная густая влага. В ретортах капитала она перерабатывалась и вытекала блестящими золотыми струйками, озаряющими таинственным светом. То было божество буржуазии. То было золото.

Весь мир был превращен в огромную мастерскую этого Желтого Дьявола. Гигантские города подняли свои трубы к самому небу. Черный дым стал застилать солнце. Капитал наступил своей железной пятой на весь мир. И все-таки ему было мало. Он задыхался в волнах золота. Но он был ненасытен, он требовал еще и еще.

Разразилось всемирное побоище. Кровь потекла [illegible], могучими реками. [illegible] сгустки были всюду. Роса стала кровавой. Туманы вставали красными. Кровавые пары носились в воздухе. И что же? Разве не работал лихорадочно капитал? Он чеканил без устали. Его чудовищные машины, в которых хрустели миллионы тел, быстро перемалывали человеческие кости. И в то время, как в жерла всемирной мясорубки бесчисленными рядами входили тысячи и тысячи людей, в погреба Рокфеллеров и Морганов, в кладовые Английского Банка, в карманы французских ростовщиков и [illegible] текли золотые потоки, и блестящие кирпичики «благородного» металла превращались в могучие золотые громады. Надо всей сценой стояла великолепная триумфальная арка капитала, радуга его побед. И на ней было написано: отечество, христианство, цивилизация.

Русский рабочий начал ломать эту вавилонскую башню. Его пытались взять штыками и пулеметами, удушливыми газами и танками. Его окружали, пытали, распинали на перекрестках в линиях железных дорог. И он отбился и стал уже свободнее дышать. Но вот он снова покачнулся: солнце сожгло поля его страны. Сотни тысяч голодных бросились бежать. Смерть впилась своими когтями в старых и молодых; взрослые и дети гибли в судорогах боли. Крики о помощи, как набат в диком отчаянии, повисли в воздухе.

И тут перед совьими, пьяными от крови, хитрыми глазами капитала, как великая радость, замаячила новая мечта. Эта мечта трепетала всеми красками жизни для них, для богатых и еще сильных: Готовятся новые тайны. Выбираются «гуманнейшие» шпионы, верные люди, воины золотого тельца, рыцари белой кости. Своею сетью они покрывают голодную страну. Они показывают умирающим кусочек хлеба и прячут его. Показывают снова и говорят: «Продай свою власть и все, за что ты боролся—и получишь хлеб. Он вкусный, этот хлеб. Он так хорошо пахнет. Хочешь—понюхай». И жадные, худые руки тянутся к хлебу. На них надевают наручники. Со всех сторон с гиканьем слетаются люди при шпорах и орденах. Выстраиваются по границам тайны. Щелкает кнут. И сотни ищеек лезут в карманы себе продавших...

— Ага! Вот наши долги!...—крича, сюсюкая французский ростовщик с отвисшей губой и развратной улыбкой.

— Моя нефть!—надменно протянул английский промышленник.

— Сибирь нам!—кричали сразу американцы и японцы.

— Наша взяла! Смерть коммунизму!—хором выли все на разных языках.

А на плаху всходил русский рабочий, с израненной головой...

Так грязно опьяненный местью в русском голоде капитал и в отчетах своих говорил: да, это моя помощь голодающим. Ибо сказано в законе, которому я учу: «Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас». Я успокою вас, друзья мои! Я успокою вас на веки...».

Н. Б.

Глянули.

Собрался Кривозыковский волостной сход.

Приехал из уезда товарищ. Рассказал про голод. Поглядели, поукорялись, почесали поясницы.

— Знамо—голод.

— Ежели не уродилось, так и нету хлеба.

— А как прежде: закрома у них ломились.

— К ним и мануфактуру, и одежу тащили.

— Пущай теперь они к нам везут.

— Будет тебе наливать-то. Али голоду сам не знал?

— Пошумели еще, но постановили помочь. По горсточке, по ковшику, по фунтику, ан собрали целый вагон.

— Пущай поправляются.

Выбрали двух мужичков,—веселые ребята, так рот до ушей и не закрывается.

Сели в вагон, и пошел он постукивать на стыках.

Долго ли, коротко ли, вернулись мужички. Стали скликать опять сход. Идут мужички, почесываются.

— Чиво такое: али опять сбор?

— Буди. Эдак дособираемся, свои зубы на полку сложим.

Собрались. Вышли делегаты. Что за чудо: те—да не те. Все их знают, а признать не могут. Чужие лица, чужие, далекие глаза. Как-будто какая тень отгородила их от всех, и во всю жизнь лицо их улыбки не знало.

— Так что, братцы-товарищи, довезли мы все до зернышка в исправности, да как глянули, а там!.., а там...

Да не договорил, засопел носом, махнул рукой и пошел прочь.

И другой не выдержал: по загорелому, обветренному лицу поползла скупая, соленая, мужицкая слеза. Ушел и этот.

А сход не расходится. Мужики уставились в землю. Бабы сморкаются, подолом глаза вытирают. Ребятишки притихли, на больших глядят.

Смотрят, а те двое назад идут, несут фунта по четыре ржицы.

— Во, сами знаете, многосемейные мы, до новины не то дотянем, не то нет. А вô, принесли. Думали, как бывалыча прежде, отсыпал раз,—и будя, совесть свою ублажил. Ан, как глянули там своими глазами, как глянули мы... не расскажешь. Вô, каждый месяц будем, сколько в силах, отсыпать.

Разошлись все молча, а там, глядь, у волостного совета, на разостланном пологе, стала вырастать куча ссыпаемой ржи.

С тех пор Кривозыковская волость каждый месяц бедно-бедно, а с полвагона наколотит и посылает. Приговаривают:

— Штож, ничаво, пущай поправляются.

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Дети.

Первый раз это ударило по сердцу в Кирсанове на станции.

Суетились и бегали люди, звенели звонки и свистки паровозов мешались с выкриками торговцев. А среди всей этой суматохи, у самого входа в общее отхожее место, лежал маленький, серенький, чуть шевелящийся комочек. Вот один из пассажиров споткнулся о него и остановился. Вглядевшись в этот комок, он удивленно и нерешительно, словно не доверяя самому себе, спросил.

— Товарищ... мальчик... Ты что здесь лежишь? Зачем?

Кучка тряпок зашевелилась и наружу вытянуло маленькое детское личико с обострившимися чертами и пылающими щеками. Взглянув на спрашивающего мутными глазами, он опустил опять голову на землю.

— Я... Здесь лежу, — только и проговорил он, впадая, видимо, в забытье.

Быстро, как всегда это бывает, собралась кучка любопытных. Обступив кругом, все что-то силились понять, расспросить, хотя и без слов все было ясно. Маленькое, худенькое тельце пылало и билось не то в страшной лихорадке, не то в предсмертной агонии. Невероятные лохмотья спитой из мешков одежды покрывали истощенное тельце так, что оно все было наружу, сквозило кругом, словно и не прикрытое. Грязное и изможденное, оно было покрыто слоями кишащих паразитов, и дрожащие ручонки все делали бессознательные жесты чешущегося.

— Мальчик, ты откуда? Кто ты? Зачем здесь? Где твоя мать?—Засыпали ребенка вопросами окружающие.

Лежащий молчал, видимо, не совсем понимая или не слыша эти вопросы. Только при слове «мама» снова открылись мутные глазки и малыш сделал усилие приподняться.

— Матери нет... Потерялась, — хрипло сказал он и опять опустился на землю.

— Кажется, польский беженец, — сказал кто-то вслух.

В это время зазвенел третий звонок, и вся кучка бросилась впопыхах к своим вагонам. Через минуту поезд помчался дальше. А на опустевшем перроне, у дверей отхожего места, одиноко лежал чуть шевелящийся серенький пыльный комочек.

На следующей станции к дверям вагона подошел мальчуган 6—7 лет в огромном картузе и протянул руку.

— Дяденька, дай хлебца, — с какой-то суровой твердостью сказал он.

«Дяденька» молчал и суетился, стараясь не видеть и не слышать стоящей у дверей фигурки: у него у самого в вагоне копошились дети. Но мальчик не отставал.

— Дай, дяденька, хоть корочку, — тянул руку голодный малыш, видимо, твердо решившись здесь выпросить что-нибудь.

«Дяденька молчал».

— Пожалей сироту, — совершенно неожиданно, серьезно и тихо сказал мальчик, словно обращаясь прямо к совести дяденьки. Последний даже оцепенел от неожиданности.

— Ах, ты!.. Вот я тебя! — крикнул он. — Какой ты сирота... Ты все врешь.

— Пожалей сироту — опять сказал с недетской серьезностью ребенок.—Мамка дома умерла, отец нарезался. Дай хоть корочку и картошечку.

«Дяденька» ударил об полы руками и схватился за голову... И вдруг просветлел.

— Ты яичко разбитое, сварить можешь? — обратился он к мальчику.

Тот чуть задумался и, протянув обе руки, кивнул головою.

— Могу. Давай.

Взяв в обе горсти надбитое яйцо, малыш понес его куда-то в вытянутых ручонках, как величайшую драгоценность. А «дяденька» глядел ему вслед и, качая головой, говорил:

— Этот сварит. Ну, и дети пошли, ай-ай-ай! Что же это делается на белом свете?

Всюду серьезные, изможденные, строгие и печальные дети. Они ходят, просят, носят воду, разводят костры, стерегут кучи домашнего скарба, сидя терпеливо и серьезно около него, как маленькие зверки, бредут за родными, сгибаются под тяжестью огромных мешков. И смотрят серьезно и строго в глаза и лица взрослых людей.

Вот на улице Саратова на залитом солнцем тротуаре сидит женщина. Поперек колен у ней лежит маленькое, длинное тельце. Грязные босые ножки, грязные голые руки ребенка висят, как плети. Мальчик запрокинул головку, вытянулся и лежит, закрыв глазки, тяжело дыша, с багровым румянцем на восковых щеках. Мать ничего не говорит. Она только придерживает это дорогое распластанное тельце на коленях и с мольбою смотрит на проходящих. И плачет. Словно приносит безмолвную страшную жертву пред лицом сияющего солнца, кипящей уличной жизни и людской волны. Беззвучно, на глазах у всех людей, совершается страшнейшая трагедия. И прохожие ускоряют шаги, отворачивая лица в сторону, как виноватые.

На городской окраине, в тихой, пыльной уличке, среди крошечных, словно детских домишек, стоит вечерняя ласкающая тишина. Розовеют белые стены далеких центральных зданий, и чуть щебечут в садах засыпающие птицы.

А у деревянного забора, прижавшись друг к другу, лежат, с'ежившись, три фигуры. К больной, лежащей в бреду матери, шепчущей синими губами что-то непонятное, прильнули две девочки и дышат на нее, стараясь согреть коченеющее тело. Мать обняла и прижала их к себе две родные головки в последнем об'ятьи и шепчет, шепчет, не то молится, не то силится им что-то сказать, раз'яснить.

И все это в обстановке царящего кругом уюта провинциально-мещанского, мирной тишины, розового заката и всеобщего отхода на отдых. И здесь некому даже взглянуть на эту драму. Только вечерние звезды чуть вспыхивают на небе, словно стыдясь глядеть на эту облитую угнетениями и страданиями землю.

На другой улице — другое. Два мальчика и девочка вынесли на улицу крышку от новенького гроба, поставили ее, как корытце, на тротуаре, и, обсев ее кругом, кланяются прохожим.

— Подайте, ради Христа, мамку хоронить.

Падают мелкие бумажки, терпеливо и молчаливо сидят и кланяются дети. Нужда, сиротство и беспомощность слились здесь в картину, потрясающую человеческое сознание.

На углу двух центральных улиц мать положила двух крохотных ребятишек на камни, на разостланной своей кацавейке и торопится, торопится скорей зашить на спящих бездомных детишках их невыразимые лохмотья. Завернув у одного из них рубашенку из какой-то джутовой упаковочной ткани, видимо снятой с какого-нибудь тюка или мешка, мать кладет заплатку. А на изодранном, невероятном рубище проступают слова упаковки:

«Фирма существует с 1... (столетия стерлись) года».

Тысячелетняя фирма народных страданий, нищеты и голода.

Жизнь, какой же ты злой юморист!

А. СЕРГЕЕВ.

Саратов.

Не будем глухи.

Слово «голод» переносит меня в далекое детство. Вспоминается родное село Стрешнево, Рязанской губ.

Впервые я тогда услыхал несшийся из конца в конец села, из избы в избу крик: г о л о д! Что он из себя представляет, в чем заключается — это я плохо понимал, но по лицам старших можно было заключить, что это слово страшное. Загорелые лица были грустны, в не было на них улыбок. Кабак сельский был пуст, пьяных мужиков совсем не видно.

Урожай был собран, но закрома и риги были пусты. А когда земля покрылась снегом, то скотина завыла на дворах, и ее приходилось продавать за бесценок. Люди обезумели и не знали, что делать. Некоторые бросали хозяйство и уезжали, как они говорили, куда глаза глядят. Появились всевозможные болезни, всюду стон стоял.

Теперь и для меня было понятно, что это за страшный зверь — г о л о д. В моих руках уже не появлялись праздничные лепешки, как прежде, хлеб также изменил свой вид.

Однажды я спросил старших, почему и отчего голод? Мне ответили:

— Боженька не зародил хлеба и наказывает за наши грехи.

— За какие грехи? — спросил я.

— Ты еще безгрешный, и тебе рано знать грехи, а мучаешься ты за наши, за грехи старших.

— А почему у попов, у Володиных и еще кое у кого нет голода?

Володины были наши деревенские лавочники.

— Они ближе к Богу и больше свечей ставят в церкви по праздникам,—пояснили мне.

Такое пояснение мне было непонятно, но больше расспрашивать я не смел.

Появились на селе какие-то господа, стали описывать, у кого сколько хлеба, корма, скотины, какая семья и проч. Открыли общественную хлебопекарню, на которой выдавали «пайки». Для нас, школьников, были устроены столовые, где кормили нас ничего себе, хотя только одним обедом.

Однажды сидим мы в школе на занятии, входит к нам в класс дедушка в деревенской шубе и валеных сапогах. Стал спрашивать, чему мы научились, какая семья дома и проч. Мы ему отвечали, не робея, весело, потому что он был не барин, а мужик. Он вынул записную книжку и все что-то писал. Когда он ушел, наш учитель сказал нам:

— Это Лев Николаевич Толстой. Он помогает голодающим, кормит их. Столовая, где вы обедаете, открыта тоже им. Он обещал вам прислать одежку и обувь, только сказал, чтобы вы хорошенько учились.

Мы спросили:

— А что, правду говорят, что у него, у этого Толстого, есть антихристова печать, и кого он кормит, тем будет ставить ее на лбу?

— Нет, это неправда, — сказал учитель, — это говорят те люди, кому он не дает помощи, потому что видит, что у них есть, а они просят; вот они и врут на него, он ученый, писатель.

Как ни темен был наш деревенский люд, все же у нас не обращали внимания на антихристову печать и принимали помощь с благодарностью.

Скоро действительно мы, школьники, получили полушубки, валенки, вязаные теплые рубахи и шапки. Этот подарок дедушки для нас был настоящим праздником радости и останется в памяти каждого из нас до конца жизни.

И вот, через много лет, опять ты, непрошенный, страшный гость, г о л о д, появился в нашей измученной России. Опять в твоих костлявых руках, протянутых к народу, я вижу вместо хлеба смесь древесной коры, желудей, мякины, лебеды. Опять ты раздуваешь животы, стеклянишь глаза, сеешь эпидемии и смерть, искажаешь лица измученного народа. А несчастных животных кормишь навозом, гнилой соломой, снятой с крыш убогих хижин.

Рабочие, крестьяне! Неужели есть среди нас глухие к стонам и мукам наших безгрешных и грешных братьев?

Кто глух, тот проклят в памяти народа.

Наборщик Д. И. МИРОНОВ.

Мировой пролетариат на помощь голодающим.

Рабочие Запада и голод.

Голод—стихийное бедствие. В годину таких стихийных несчастий находится всегда немалое число состоятельных людей, которые бросают крошку со своего стола для помощи несчастным и для успокоения своей совести. Нашлись такие сочувствующие люди и среди западно-европейской и американской буржуазии, которые, несмотря на всю свою антипатию, сочли своим долгом притти на помощь.

Совсем по иному отнеслись к голоду в Поволжье рабочие Запада. Для них всякое несчастье в Советской России есть несчастье в собственном доме. Ибо на Советскую Россию они уже давно привыкли смотреть, как на родину. Нет ни одной рабочей организации на Западе, которая не откликнулась бы на постигшее нас бедствие. Чтобы ясно представить себе, до какой степени близко нашим заграничным товарищам дело помощи голодающим Советской России, достаточно указать, что, напр., во Франции сборы для голодающей России значительно выше сборов для стачечников Северных департаментов Франции. А между тем, стачка охватила там до 150 тысяч человек, при чем предшествовавшая острая безработица оставила рабочих без всяких средств. И тем не менее, все без исключения, французские организации отчисляют часть своих средств для России, и ни одно собрание рабочих не проходит без того, чтобы не был произведен сбор в пользу голодающих Поволжья.

Сборы ведутся как коммунистическими и социалистическими партиями, так и профсоюзами. Однако, установить точно, сколько собрали партии и сколько профсоюзы, не представляется возможным. Разделение пошло по несколько иной линии. Политика замешалась даже в дело помощи. Такова уже логика классовой борьбы. Три основных лагеря политической жизни: буржуазия, революционный пролетариат и мечущиеся между ними соглашатели из рабочего лагеря имеются и в деле помощи голодающим.

Оставляя в стороне жертвователей из среды буржуазии и разных правительственных и краснокрестных организаций, у рабочих как-то само собой сложилось два центра для сбора пожертвований: к одному примыкают революционные организации как политические, так и профессиональные, к другому — соглашательские политические партии и реформистские профсоюзы.

Если взять, например, Францию, то там помощь России была решена еще на контрессе профсоюзов в конце июля. Во исполнение постановления конгресса, административная комиссия конфедерации труда выпустила воззвание о помощи с планом централизации всех сборов в своих руках. И, однако, революционные профсоюзы предпочли примкнуть к другой организации помощи, к так называемому «Комитету помощи русскому народу», куда вошли, кроме комитета революционных синдикалистов, коммунистическая партия, коммунистический союз молодежи, революционная ассоциация бывших участников войны и другие революционные организации. Из отчета о заседаниях этого комитета 13 и 15 сентября видно, что до 8 сентября им было собрано 582.792 франка. Из того же отчета мы узнаем, что комитет констатировал, что он совершенно правильно с самого начала повел дело сборов совершенно независимо от амстердамского соглашательского Интернационала профсоюзов, в виду недостатка искренности в деятельности последнего.

Французский революционный комитет помощи снесся с таким же международн. рев. комитетом, заседание которого состоялось в Берлине и там был единогласно одобрен следующий проект французского комитета. Отправить в Россию из Франции судно с продуктами для голодающих. Организовать специальный сбор пожертвований натурой (припасы, одежда, белье, обувь, медикаменты). Денежные пожертвования тоже употребить на закупку товаров для России, при чем для этого снестись предварительно с межд. комитетом, чтобы возможно рациональнее употребить собранные деньги.

Что касается Амстердамского Интернационала, то он ассигновал один миллион немецких марок (около 150,000 франц. франков) для голодающих России, и организации, идущие под его знаменем, повидимому, намерены действовать, совместно с разными буржуазными комиссиями. По крайней мере, в Германии представитель германских профсоюзов, руководимых амстердамскими лидерами, вошел в исполнительный комитет буржуазной организации помощи. А это значит—отнять у рабочих необходимый энтузиазм в деле помощи. Из дела международной солидарности трудящихся оно превращается в дело обычной благотворительности.

Что касается Италии, то там мы знаем, что до 10 сент. рабочие, организованные в коммунистические партии, собрали свыше 300 тыс. лир, а союз моряков отдельно пожертвовал один миллион лир.

Даже в Испании, где царит безудержный разгул реакции, где революционные профсоюзы могут существовать только нелегально, где закрыты все коммунистические и синдикалистские клубы и газеты, где деятелей рабочего движения в буквальном смысле слова расстреливают на улице, нашим товарищам удалось собрать до 12 тыс. песет (около 20 тыс. франков по теперешнему курсу). Этот дар невелик, но он особенно трогателен, когда подумаешь, что собирать приходилось под угрозой расстрела.

Крупные пожертвования собрали рабочие Америки. Мы не имеем еще точных сумм, но мы знаем, что один только союз портных в Америке собрал свыше 500 тыс. долларов, т.-е. свыше миллиона рублей золотом, и сбор пожертвований продолжается. И эти деньги они не передают в руки буржуазной американской ассоциации помощи, а самостоятельно закупят продукты и отправят их нашим голодающим.

Мы присутствуем лишь при начале кампании: «Рабочие всего мира на помощь голодающим Советской России». Эта кампания ведется в атмосфере свирепой безработицы, упорных забастовок и жестокой реакции. Там миллионы своих голодных ртов, голодных не по воле стихии, а из-за алчности господ миллионеров.

И все же наши голодные, наши борющиеся братья-рабочие всего мира ухитряются собирать миллионы в золотой валюте для наших голодающих. И эти миллионы, которые голодные собирают для голодных, служат залогом того, что Сов. Россия справится с постигшим ее бедствием и спасет своих голодающих-тружеников от ужасов смерти и вырождения.

С. ГАЛЬПЕРИН.

Итальянские рабочие на помощь голодающим России.

До настоящего момента мы не имели еще точных сведений о результатах сборов по Италии для голодающего населения Поволжья. Может быть потому, что теперь только идет подготовительная работа к кампании помощи.

Но и те скудные сведения, которые доходят до нас, показывают с очевидной ясностью, что итальянские рабочие, несмотря на тяжелые условия политической жизни, на царящую в стране реакцию, фачизм и не менее тяжелые условия экономической жизни, выполнят свой долг. И рабочие делают со своей стороны все возможное не только из чувства общечеловеческой солидарности, но и побуждаемые чувством революционной пролетарской солидарности. В Италии уже организованы комитеты помощи. Секции коммунистической партии, социалистической и других пролетарских организаций все деньги отсылают в Биржи Труда, которые входят во всеобщую конфедерацию Труда, создавшую в Сампиедарене (близ Генуи) национальный комитет помощи.

На т. Бамбачи возложена задача поддерживания связей с Берлинским комитетом. Пока до нас дошли сведения о нескольких сотнях тысяч лир, поступивших от рабочих и от муниципалитетов, в которых преобладают социалисты и коммунисты.

Союз моряков внес миллион лир: ½ миллиона от имени союза и ½ миллиона от имени кооператива Гарибальди, который является его детищем и владеет несколькими собственными пароходами.

Это тот самый союз и кооператив, который, как хорошо, вероятно, помнят русские товарищи, в прошлом году захватил русское судно «Родосто», которое хищные капиталисты пытались похитить у Советской России.

Коммунистическая партия пыталась выполнить свой долг организацией в Италии 8-го сентября «интернационального дня», созывая митинги, публикуя воззвания, распространяя брошюры и устраивая денежные сборы. Эту работу продолжают теперь делать ежедневные коммунистические газеты «Ордине Нуово» и «Лаборатор» и все провинциальные еженедельники. Тов. Бамбачи выдвинул проект об интернациональном пролетарском займе помощи России. Члены партии и все рабочие Италии делают все возможное для создания фондов помощи в пользу голодающих, усильно помогая усилиям Советского правительства и русских товарищей.

Прошлое революционного итальянского пролетариата, чувство пролетарской солидарности, выявленное при оказании помощи детям венских рабочих, когда один только рабочие Турина собрали между собой 2 миллиона лир, служит порукой в том, что и на этот раз рабочие Италии выполнят свой революционный долг. Повсюду в Милане, Болоньи, Александрии, рабочие приютили у себя детей из Вены, для которых устраивались колонии на берегу моря и в горах, которых окружали отеческой заботой. Несколько десятков тысяч ребят нашли пристанище и братский прием в семьях итальянских рабочих. При этом случае рабочие Италии, давая приют детям тех, которых буржуазная пресса называла заклятыми врагами, показали, насколько они остались нетронутыми той волной шовинизма и национализма, которая в долгие годы мировой войны захлестнула страну.

Не приходится сомневаться, что итальянский пролетариат, который не раз демонстрировал свои чувства горячей симпатии и беззаветной преданности героической Советской России, и в течение долгих месяцев употребляет все свои усилия для того, чтобы воспрепятствовать посылке оружия Польше, и на этот раз, всем доступными ему мерами, придет на помощь своим русским братьям. В то время, как буржуазия, ограничиваясь словесными обещаниями помощи, в действительности только и думает о том, как бы использовать стихийные бедствия, обрушившиеся на Советскую Россию, для того, чтобы ее погубить, пролетариат использовывает эту кампанию помощи, как протест против новых преступлений международного капитала, которыми он силится спасти себя от неминуемой гибели.

Рабочие прекрасно уже понимают, что, стоя на страже интересов Советской России, они тем самым отстаивают мировую революцию.

И поэтому итальянские рабочие, переживающие теперь очень трудное время, страдающие от безработицы, преследуемые фачистами и наступающей буржуазией, готовясь к новым битвам, в полном сознании важности этой кампании помощи, мобилизуют все свои силы для этой работы.

Итальянские рабочие всегда горячо и широко готовы откликнуться на призыв своих нуждающихся в помощи товарищей, на призыв для защиты Советской России, на призыв к новым битвам с мировым капиталом для скорейшей победы мировой революции.

Е. ДЖЕННАРИ.

Помощь болгарского пролетариата.

Всемирный пролетариат следит с безграничным восторгом за организованной борьбой, которую революционная Россия ведет со стихийным бедствием, обрушившимся на Поволжье. Не впервые Россия страдает от таких тяжелых бедствий, но тогда пострадавшие области предоставлялись их собственной печальной судьбе, когда об их несчастье даже не сообщалось, чтобы не дать повода трудящимся массам задуматься о причинах бедствия и о способах его устранения,—сейчас пролетарская республика призывает всех трудящихся к братской солидарности, к самоотверженной самопомощи и с успехом организует на борьбу с голодом усилия всей страны. В процессе этой дружной работы вырабатывается новая мораль, мораль общества, не знающего эксплоатации человека человеком.

Но в этой борьбе рабочих Россия не одинока. 15 августа пролетарский мир откликнулся на зов о помощи.

Не отстает и Болгария. Под руководством партии и при живейшем участии тесно с ней связанных професс. организаций, союза молодежи, женских групп, коммунистических просветительных союзов, союзов инвалидов, военнопленных эмигрантов и других начались сборы помощи голодающим Поволжья. Широкие трудящиеся массы отозвались с энтузиазмом, так как им впервые представился случай засвидетельствовать свое глубокое уважение и горячую любовь к революционному русскому народу. В городах и деревнях они толпами посещают собрания и митинги, посвященные организации помощи. Они обнаруживают при этом самопожертвование, которое особенно трогательно, если вспомнить царящую в нашей стране дороговизну и безработицу. Для расширения размеров помощи они использовывают все возможности, добровольно налагают на себя всякие лишения и тяготы: не употреблять в известные дни табак, алкоголь и др. напитки; они организуют коллективные работы по примеру русских субботников и проч. В деревнях, кроме денежных средств, собирают значительное количество хлеба, картофеля, фасоли; это наблюдается также в нехлебородных местностях. Одна деревенская вдова пожертвовала для голодающих русских детей одну треть скудного зимнего запаса своей семьи. Господствующая буржуазия, хотя открыто не выступает против предпринятой коммунистической партией и рабочими организациями помощи и даже делает вид, что сама готова оказать помощь русскому народу, все-таки не может спокойно смотреть на это выражение глубоких и живых симпатий Советской России и ее революционному народу. Полиция и административные органы ежедневно в различных местностях городов и деревень ставят всевозможные препятствия комиссиям помощи и даже арестовывают их членов, конфискует собранные деньги и хлеб. Это волнует, возбуждает массу и для них, таким образом, лозунги коммунистической партии об обеспечении вывоза зерна в Советскую Россию, о возобновлении торговых и дипломатических отношений с ней и, наконец, о насильственном уничтожении буржуазного государства принимают ясность и осязательность.

При таком настроении прекрасно проведено партией и союзом коммунистической молодежи выступление 4-го сентября, которое собрало в целой стране под революционными знаменами коммунизма громадные, воодушевленные, готовые на борьбу массы. Так болгарский пролетариат организует свою братскую помощь русским рабочим и крестьянам не только в их борьбе с голодом Поволжья, но и в гигантской борьбе против всемирного капитала, которую они начали и ведут так славно на пользу пролетариев всех стран.

ПОПОВ.

Помощь из заграницы.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. Наркомвнешторг представил в Центральную Комиссию помощи голодающим следующие сведения о движении грузов для голодающих губерний из-за границы на 27-е сентября:

1) Пожертвование Норвежского правительства: сельдей 20.000 бочек, соленой рыбы—120.000 пудов и рыбьего жиру на сумму 100.000 крон. Весь этот товар направлен в Петроград.

2) Пожертвование Финляндии: соленой рыбы 7.926 пудов.

3) Пожертвование шведской фирмы: ржаной муки 800 пудов.

4) Закупленные в Англии 18.000 пуд. муки.

5) Закупленные в Америке 90.000 п. муки отправлены из Америки 3 и 10 сентября.

6) Пожертвование АРА: 160 вагонов с разными продовольственными грузами, 2 парохода с разными грузами весом в 92.005 пуд. Из этих грузов 20 и 21 сентября отправлено из Риги 50 вагонов в Москву.

7) Пожертвование через доктора Нансена: 2.000 пальто и 2.000 костюмов.

8) Пожертвование Эстонского правительства—6.600 пудов разного продовольствия.

9) Пожертвование шведских рабочих: медикаментов и проч. 240 пудов.

10) Пожертвование персидского правительства: 20.000 пудов рису и 40.000 пудов хлеба.

11) Закупленные в Ревеле 2.187 пуд геркулесу.

12) Пожертвование Лиги Спасения Детей в Лондоне: 36.000 пудов разного продовольствия.

13) Пожертвование Литовского Красного Креста: 1 вагон муки.

14) Разное продовольствие, пожертвованное сотрудниками советского представительства в Литве, Латвии и Лондоне.

„Сусанин".

Я хотел было остановить его, да промешкал и не успел во время сделать этого.

Он, — как только тот, стоявший на опрокинутом вверх дном бочонке «оратырь», окончил свою речь и соскочил на землю,—воспользовался этим моментом и занял его место...

Ничего хорошего от этого публичного выступления моего «приятеля» Епала Митрича Звонцева я не ожидал. Так оно и вышло...

— Православные,—закричал он, сняв с головы драную шапченку, которую из скаредности носил даже в летнюю жару.

— Православ...—хотел было он повторить снова, да во-время спохватился и сейчас же еще громче закричал.—Товарищи-граждане, дозвольте и мне, дураку, слово сказать!

— Говори, дурак,—крикнул кто-то из толпы.

Послышался смех и возгласы.

— Ври, Емеля, твоя неделя. Только не топочи ножищами то по бочонку—дно вышибешь... Хы, хы, хы... Пустили черта!.. тащите его оттеда за задние копыта... Нашли кого слушать!..

— Товарищи-граждане,—между тем с каким-то визгом в голосе завопил опять мой Епал Митрич, стоя на бочонке и [illegible] головой [illegible], раздуваемыми ветром,—Сичас вот я всего с самого с места, где я теперича стою с бочонка, гражданин товарищ Аниска Телкин, произносил [illegible] непотребные речи и выражения касаемо церкви и особ духовного чину. Я как есь православный хрисьянин, был и буду им, покудова господь царь небесный пар из меня не вынет, не стерпя сердца, влез на это место на бочонок, чтобы сказать ему, что он не от ума произносил свои речи, а от дурости... Он как есть пастух тверской, Зубцовского уезду, так им и подохнет!.. Откеда он заявился, а? Кто его, не тут сказано, сукина сына, просил разговаривать, учить нас, а? Мы его наняли скотину пасть. Сушку ему дали противу прежнего вдесятеро, он и должен знать свое дело:—кнут, а место его около коровьего хвоста, а не речи говорить, народ смущать... Чего он отседа, с этого места плел, а? Да нешто мыслимо, допустимо? Он вон болтал ногами то, а не языком, что у них тама в ихнем уезде придумали, чтобы попы по дворам с молебствием не ходили, а чтобы им с каждой деревни отдай по три тысячи целковых, отслужка апчественный молебен, и ступай к попадье под хвост... Ла-а-дно! Будим говорить так по его. Ну, а у нас в приходе много-ль деревень?—пять. Стало быть, коли мы по его сделаем, то попу с пяти деревень по три тысячи много-ль придется, а? Пятнадцать... та-а-к... Дык [illegible] же он, будем говорить, отец наш духовный, с семейством прожить [illegible]? На вши, что ли? Углы глодать, а? Опять будем говорить так: ты у меня спросил: желаю ли я опчественный молебен? Не [illegible] в дом желаю святыню принять, на дому отслужить. У себя, у своих у богов. Что же ты мне закажешь, что ли? Не нами, чай, дураками, а старыми стариками установлено испокон веков порядок этот, а он «опчественный молебен»... а я не желаю! Ты желаешь, а я нет! Дык какжа ты порядки-то эти устанавливаешь? У кого спросил? Выискался тоже... откеда вылез... гм!.. Ты, к примеру, не в обиду тебе, пастух... кнут твое дело, а я председатель сельского совета, избран опчеством единогласно...

— Избран ты, — послышались голоса.—Будь ты годен? Трубы тобой затыкать,—коли ты никуда не годен. Посадили дурака—заставили Богу молиться. Избран... гм... Кому охота, кроме тебя, дурака, в рабочую пору на леле на этом месте сидеть?

— Не ты меня, а я тебя учить должен,—не обращая внимания на эти возгласы, продолжал кричать Епал Митрич,—опять я постарее тебя может вдвое, в отцы тебе годен, тебе ли меня учить... «Апчественный молебен», опять с ехидством передразнил он предшествовавшего «оратыря»—ишь ты сказал с великого-то с разума... сообразил с головой-то с своей... Тоже голос возымел, разинул пасть-то свою дурацкую!.. Давно ли ты языком-то стал говорить? Допреж, акромя матерных слов, ничего от тебя слыхать не было... Аратырь выискался! Иди там [illegible], а Зубцовский уезд, порядки устанавливай, а не здесь... Много вас теперича этаких сволочей учителей найдется... Дела вас делать нету, а языками трепать мастера вы... распустили языки-то длинные [illegible]

Он плюнул и обтер рукавом рубашки губы...

— Что же ты лаешься, собака?—закричал, воспользовавшись его минутной остановкой, говоривший до него «аратырь» пастух Аниска.—Какое ты имеешь право публично оскорблять меня и называть, между прочим, «сволочью»?.. Какая я «сволочь», а? Ты сам сволочь. Старый черт... Буржуй!.. Спикулянт!..

— Православ... тьфу,—спохватившись сплюнул он,—тысь, товарищи—граждане,—завопил с бочонка Епал Митрич, выслушав это,—прислушайтесь, какие слова, прислушайтесь, как меня называют!.. Обида... униженье моему сану... Недопустимо это... Я твоих слов не приемлю, не понимаю, я не «буржуй», а, слава тебе Господи, православный хрисьянин... крещеный... и родители мои спокон веку хрисьянами были... а что я нажил своим горбом, дык и тебе не заказано, наживай! Я не виноват, что у тебя ни фига нет, одни подвески... Попробуй наживи сперва, потом уж и разевай пасть-то свою... Комиссар какой выискался... учи-и-тель... «опчественный молебен». Да я боли того забыл, ничем ты знал! Опять тоже касаемо насчет земли, уставы свои уставлять зачал. Просили тебя с языком-то совать-ся, куды не след, а? «Апчественные работы»,—опять начал передразнивать он,—«работать всем опчеством», «коммуной», «коллективным порядком», «сачим бы все». Да нешто это мысленно? Как это сделать-то? У меня, будем говорить, шесть душ, а у тебя две. У меня скотина, а у тебя курица одна. Дык чтож я, значит, [illegible] свое дело бросать... на ноги тебя, сукина сына, дармоеда, становить? Худо ли тебе, ги! Люди за тебя сработают! А ты у меня много ли наработаешь? Чтож мы с опчеством-то, аки дураки какие, из двора во двор будем ходить работать? Нонче мне,—завтра тебе? А в покос как? У тебя подвалено, высушено, убрано, а у меня ничего. У тебя за хорошую погоду убирали, а тут дождь пошел, погода... дожидаться, когда ведро, когда придут убирать люди? Да хыть так будим говорить по твоему: «опчеством», а я сам желаю один трудиться, не желаю опчеством. Хочу один, да и все! Тогда как? Силком не заставишь... Хочу сам один, да и все! Землю разделить, «земля ничья». Гы... кака так ничья? Накося выкуси. Ни-и-чья. Нет, чья! Делить... Как ее делить-то? По-твоему, стало-быть, всем и холуям, и мещанам, и господишкам, голопитанным учетилишкам,—всей шатии, всем давай? Гы... Худо ли! А за что? Зачем это делать-то? Им все одно, давай ни давай—делать они ничего не станут. Не такой народ... они привыкли готовое кушать, наше, мужичье... Где им, строганым ляжкам, работать. В куль их всех, да в воду... мы и без них обойдемся... «Делить»—слава тебе Господи, отцы наши жили, нас вырастили, не думали об этом, а нешто они глупее нас были? Живы... Живем... Господа благодарить покедова надо, а мы свару затеяли... «Слабоду нам» [illegible] Да нешто нам, сволочам, на пользу [illegible]? «Землю делить по едокам... раз[illegible] награждать». Да он другой, сукин сын, сидит напоком веку, не знает, на чем свинья хвост носит, а ему землю. Палку ему, а не землю... Во-о-от ко[illegible] хость... Дра-а-а-ть!.., чтобы завсе страх помнил! Хороший человек завсе хорош, с волей ли, без воли ли... А нашему народу что хошь дай, он все изгадит, посвоему сделает... Нешто мы люди? Недаром нас везде бьют... И за дело, так и надыть, учить чертей дураков...

— Тащите его, дьявола, с бочонка-то за ноги,—закричали в толпе.—Нашли кого слушать, чего он забрался!..

— Я и сам слезу,—завопил опять Епал Митрич,—тащить меня не имеешь праву. А-а-а, не по вкусу, знать вам мои слова правильные... «Тащите его за ноги»—передразнил он.—Нет, погодишь, не потащишь. Я тоже, чать, не полено дров. Как никак, а лицо. Сами орете: «слобода, неприкосновение к личности», а сказал вот правду не по вашему, сичас: [illegible] ноги». Доскажу вот все до конца—сам слезу.

— Да мы тебя слушать не желаем.

— А-а-а, «Не желаем». Это выходит, стало-быть, вам одним можно говорить, аль вон эдакому мошеннику, богоотступнику Телкину Аниске можно, а мне нельзя. Неужели же я дешевле его стою, а? Кто он, кто я? Коя небось, разница, как вы понимаете? Да обо мне у кого хошь спроси—всякий скажет, что я за человек и чего стою. Мы вот, бывало, не хвастаясь скажу, сам, царство небесное, земский начальник в те поры рукопожатие делал, по имю и отчеству называл. Бывало при народе, при всех отдает внимание: «А-а,—бывало скажет,—Епал Митрич, здраствуй. Как здоровье?».

— Го-го-го,—загоготали в толпе.—Нашел чем хвастать... Да тебя, чорта, надо бы еще в те поры вместе с земским [illegible] поганого ружья. А, да что с ним толковать. Чего он смыслит?.. Слезай долой!.. Не занимай места, ну тебя к чорту!..

— Не тронь, пущай говорит. Ишь его прорвало. Не тронь, не мешай. Кнутру не надо... Забавно. Валяй, Епал, продолжай, просим! Хи-хи-хи!.. Умерил со смеху!

— Я вам не кнутр дался,—завопил еще пуще с бочонка Е. М.—Не представленье... Я терпел, терпел, слушал, слушал,—настал конец моему терпенью. Переполнилась чаша. Теперича я все скажу... Лайте меня как хотите... Мне наплевать на вас на всех. А за правду я зубами с'ем... Не закажете. Умру за правду!..

— Умирай, черт с тобой, не заплачем.

— Эта кто такочи говорит: «Черт с тобой, а?» Черт то не со мной, а с тобой. Со мной покедова господь, царь небесный Иисус Христос. У меня на шее хрест есть, а не черт со мной... Вас вот точно действительно осеяла всех окаянная сила... Подняли под стопу Антихриста... Вы бы хоть когда-нибудь подумали бы головами-то своими.., спросили бы сами у себя: робята, что мы, мол, делаем? Куды идем? Чего себе уготовали? Каких делов натворили? Кого слушаем? Кака така революция? На кой она нам? Как без хозяина быть? Как без отца быть? Неужели же взаправду мысленно говорить, что отец родитель своим детищам враг есть? От Господа он поставлен. А мы что? Мы-то кто? Нешто мы люди? Чего мы понимаем? Чурбаны мы! Черти! Сво-олочь! Истинный Господь. Нас куды сунут, туды мы и лезем. Без хозяина нам нешто мысленно? Пропадем, как капустные черви. Дьяволы мы. Обормоты! Ей Богу!

— Да что это, ребята, мы его слушаем то? Чего он ластея-то? Чего ему надоть, спроси у него? Сшиби его кто-нибудь с бочонка-то поленом, старого пса!..

— Это кто говорит «сшиби», а? Нет не сшибешь. Но-отодвинешь. Я еще не все сказал... Долго терпел, слушал, смотрел, наблюдал, теперича крышка — не замолчу! Коли уж до того дело дошло, что каждый пастух учить меня стал — как на свете жить... Не замолчу... Не могу молчать! Вот я вам что скажу: хотите слушайте— хотите нет. Надо по моему нам всем ставаться, бумагу написать кому надо, что не желаем мы, граждане деревни Горбылевки, по новому жить, а желаем по старому. Председатель наш, упомянуть в бумаге надыть Епал Митрич Звонцев, тысь я, образумил, мол, нас, дураков, навел на путь, спас всех нас, как Сусанин царя от смерти...

— Мошенник ты! сукин сын!—закричала толпа, выслушав это его предложение... Очумел ты. Бейте его, ребята!.. Волоки анафемскую силу за ноги да об угол! Вон он чего придумал, а? Лупцуй его, дьявола, волоки с бочонка долой.

— Бейте, вопил в свою очередь Звонцев с бочонка,—бейте!... Жрите мою плоть, насыщайтесь... Я мученическую кончину готов принять аки Иван Сусанин, а от своего не отступлюсь. Вам не сдамся... Не надоть мне по новому, не желаю. Не хочу!.. Не желаю! Бейте!.. Не желаю. Бейте Сусанина! Нато вам «—» он распахнул ворот рубашки,—разите в это место... Жрите!....

Пришлось как можно скорее спасать Сусанина, что и было сделано во время.

С. ПОЛЯЧЕВ.

Общий план кормления голодающих.

С 1 октября входит в силу утвержденный Советом Труда и Обороны план кормления голодающего населения Поволжья. По этому плану все дело сосредоточивается в руках Центросоюза, с которым и должны быть согласованы все усилия отдельных ведомств и организаций. Общий план Наркомпрода и Центросоюза представляется в таком виде:

В полном виде (с января 1922 г.) помощь рассчитана на 2 миллиона едоков, из них детей 1½ миллиона и взрослых 500 тысяч (имеется в виду помощь лишь, так сказать, в чистом виде, не считая помощи путем общественных работ, поддержки кустарного производства и т. д.). Полагая, общее число голодающих детей в 6.628.000, а взрослых 7.874.000, это составит около 25% всех детей и около 7% взрослых. Но в октябре возможно организовать, покамест, кормление лишь ¼ указанного количества (375 тыс. детей и 125 тыс. взрослых), в ноябре повысить его до ½, в декабре до ¾, а лишь с января дело пойдет полным ходом.

В этих—по необходимости ограниченных—пределах возможным является кормление по следующей, принятой Центросоюзом норме: на одного едока в день полагается:

Взрослые

(в золотниках)

Хлеб	Крупа	Мясо	Корнепл.	Картофель	Соль	Сахар
24	5,4	24	96	48	3,2	—
48	12	24	32	86	2	1,6

Это составит всего на октябрь—январь след. количество продуктов, в пудах:

Хлеб	1.640.614
Крупа	402.500
Мясо	919.996
Корнеплоды	1.523.436
Соль	82.500
Сахар	46.812

Или в общем на год это составит до 12 миллионов пудов хлеба и крупы.

При составлении плана принималось в расчет, что, конечно, не все население голодающих губерний нуждается в кормлении. Во-первых, так или иначе, в известных пределах люди все же спасают сами себя—снабжают себя «самотеком»; во-вторых, не все губернии и не все уезды в них вполне лишены всех видов продовольствия — кое-что имеется; в-третьих, вырабатываются, а частью выработаны планы помощи работой. Так, в Марийской автон. области и Вятской губ. Центросоюзу предположены лесные работы на 8.525.000.000 р. по разработке огромной площади бывших там лесных пожаров. С сент. по март предполагается туда привлечь до 2.000 человек с семьями (и 1.000 лошадей), и т. д. Наконец, известная часть прокормится пожертвованиями международного пролетариата и заграничных обществ. Ара, межд. Красн. Крест (Нансен) и т. д. Затем остается еще—помощь пожертвованиями.

Считая приблизительно в 50 процентов количество менее нуждающегося населения, мы видим, что Центросоюз будет кормить около половины всех нуждающихся детей и около 15 процентов взрослых. Следовательно, если пожертвования трудовых крестьян и рабочих потекут широким потоком, то вместе с помощью обществ мы успеем справиться с бедой. Чем шире приток этих пожертвований, тем скорей справимся.

Поэтому надо трубить в рог пролетарской солидарности все громче и громче, призывать всех трудящихся напрячь все силы, чтобы показать, что при советском строе и голод менее страшен, чем при эксплоататорском.

А. ДИВИЛЬКОВСКИЙ.

В голодных местах.

Лихая беда.

Неумолимый огненный паук из дня в день высасывал соки земли, молодая поросль уже желтела, травы свертывались, пни вяли и [illegible]. Лихая беда надвигалась на Поволжье и [illegible] покоя радость труда и отдыха. Приумолкли в деревнях гармоники; не [illegible] по праздникам хороводных песен; [illegible] ребячьи голоса; даже [illegible], уныло бродившая по бурым путям, [illegible] чуяла веяние смерти в природе.

И вот, снова встал над Волгой, во всей своей силе, старый мужичий бог, бог кары и страдания. На полях двигались толпы с иконами, звучали глухо [illegible] в мрачные, покорные человечью волю, псалмы; глухими ночами, [illegible] от сыновей, колдовали в [illegible] [illegible] старухи, а бабы, [illegible] преданьям [illegible], [illegible] свои обряды: [illegible] воду на [illegible], [illegible] кровью [illegible] пашни и [illegible] на [illegible], [illegible] деревья от злой напасти.

Нашлись прорицатели, возвещавшие пришествие антихриста с огненными [illegible] и «судною книгою [illegible] печатью».

Отпускники-красноармейцы и просто [illegible] люди выбивались из сил в [illegible] борьбе с деревенским недугом, принявшим небывалые размеры.

А пока шла эта борьба между тем новым, что принесла с собою революция, и отжившим прошлым, засуха завершила свое дело.

Неоглядные поля были сжаты и испепелены. Золотое днище России стало самым нищим краем в мире.

Уже в июне, сначала в Саратовской губернии, потом на севере, в Прикамье, люди принялись распродавать скарб, уводить на городские рынки «кормилиц», сбывать повозки. И вдруг, точно по зову набата, деревня за деревней, целые округа поднялись на ноги и потекли—не весть куда.

Большие дороги чернели от верениц телег и двуколок. Мертвые поля с утра до ночи оглашались тревожным ревом коров, блеяньем овец, плачем голодных ребят. Жуткая музыка росла и ширилась, выплескивалась на мостовые городов, сливалась четкий звон молота.

Есть много общего между этим бегством спасающихся от голода деревень и тем, что еще так недавно мы видели на юге... Те же обозы с домашнею рухлядью, те же тоскливые, вытянутые, почерневшие в лишениях лица, те же проклятья... Но там, на юге, враг был видим и слышим: он гремел пушками, гудел и гикал конницей, содрогал землю поступью пехотных орд. И все это, [illegible] жизнь, разрушающее города и деревни, было все же менее страшно, чем нынешняя картина людских волн, катящихся под напором кого-то, чья поступь глуха, чей бич невидим.

Только в конце августа над Поволжьем затеплилась надежда, и тотчас же потоки обезумевших землеробов стали таять.

По деревням и деревням, от станций железных дорог к пристаням понеслась весть о том, что где-то там, в урожайных местах, собираются семена, что скоро двинутся на Волгу первые эшелоны зерна, что «сам Ленин» командует отрядами, понуждающими слать помочь голодным братьям.

Не сразу и не все уверовали в возможность «помочи», но распашка под озимые стала расти, и многие из беглецов повернули оглобли к родным гнездам.

А когда из «счастливых мест» потекли к поволжским нивам первые ржаные ручьи, вдруг все стало преображаться; точно и не было детских могил, точно не пухли у мужиков ноги, точно не плевались кровью цынготные старики.

— Семена идут!..

Два слова эти оказались сильнее самых пламенных убеждений агитаторов: закипела бешеная работа на полях, еще вчера мертвых и пустынных.

Пахали старые и малые. Впрягались сами в постромки все, у кого голод уже угнал на рынок коня. Бороздили киркой, вручную.

— Получат все, у кого пашня распахана!..

Посмеивались над бабами, кропившими водицей утопленников, и уже не ломали шапок пред ликом [illegible] антихриста.

* * *

И семена—пришли. В городах, у станций, круглые сутки, напролет, разгружали и грузили. Не было труда более веселого, более ярого, более упорного, чем этот. Агенты продкомов, железнодорожники, грузчики и тысячи бородатых возниц состязались в работе с подвигом красных воинов: полуголодные, рваные, серые от бессонных ночей, они безропотно проталкивали, пуд за пудом, миллионы пудов туда, где каждое зерно было плодоносною каплею для нивы, с жадностью ее поглощающей.

Ужас пред лицом «сквозного» голода таял, сменялся великим терпеньем.

Терпели грузчики, обычно пудами хитившие зерно при нагрузках. Терпели ловкие возчики, привыкшие спускать пригоршни в мешки. Терпели и те, чье тело сводило судорогами голода. И это последнее терпение было поистине сверхгероическим: отказаться от горсти зерна, которая спугнула бы хоть на день муки голода, отказаться во имя будущего, оказаться для пашни,—не подвиг ли это?

Кучи зерна, еще не брошенные в землю, охраняли как святыню. Охраняли от себя, от великого искушения, гнавшего клубы слюны в пересохший рот.

Только неистребимою верою в жизнь, в будущее, в необходимость подчинения личного и минутного общему и вечному можно об'яснить самопожертвование голодных людей, безропотно отдававших земле пригоршни зерен—свою сытость и счастье, а может быть, и самую жизнь.

Кто скажет, что ждет завтра их всех, сегодня любовно и бережно разбрасывавших хлеб по ниве.

Но украсть у пашни, значило совершить преступление, равного которому у землероба нет.

— Не нам, ей, прислано!..

Не все ли сказано в этой фразе, столь обычной среди голодных сеятелей Поволжья.

— Нам—потом!..

Сначала земле, потом уж «им». «Они перебьются, а пашня не ждет..» «Они и околеют—плакать не-по-чем, пустая пашня—хуже смерти...»

* * *

Только теперь, после радостей посева, когда излиты восторги перед помощью, негаданно пришедшей с далеких урожайных полей,—теперь только начинают говорить о себе, о неминучей смерти, о ребятах, которым лучше бы не родиться на свет...

Но прежнего смятения, былой животной паники в деревнях Поволжья уже нет.

Голод косит детей, вздувает руки и ноги у баб, расшатывает зубы у самых крепких парней, но все это не мешает людям спокойно, с часу на час, изо дня в день, ожидать. Верят:

— Подмога придет!

И с жадными, безумными огоньками в глазах ловят каждую весть со стороны о помощи тех, кто ест каждый день, и кто вовсе не знает вкуса трав, ботвы, коры и опилок, смешанных с лебедою.

ВЛ. БАХМЕТЬЕВ.

Казань.

На переломе.

(В САРАТОВСКОЙ ГУБ.).

Происходящий сейчас учет голодающих выясняет размеры бедствия, охватившего губернию. Картина получается жуткая. Голодает миллион крестьян. В некоторых уездах, как, например, в Покровском, в большинстве волостей уже с'едено все, что было собрано и запасено. Беспощадно истребляющегося скота, лебеды, желудей и соломы хватит лишь до первого снега.

На смену холере пришел сыпной тиф. 150,000 брошенных детей в переполненных приютах и детских домах ждут помощи. В одном только Саратове, вместо прежних 3.600 детей, теперь в помощи нуждается свыше 18,000 человек.

Бедствие огромно. Но все же последние сообщения с мест констатируют некоторое улучшение. Начинают прибывать семена, дает более ощутительные результаты помощь извне, и прежняя растерянность, отчаяние, мало-по-малу исчезают, уступая место самодеятельности, стремлению к организованности. Бегство крестьян уменьшилось, а в некоторых местах губернии даже приостановилось. Все это дало возможность приступить к организованной помощи голодающим.

Недавно тут была одержана блестящая победа. Холерная эпидемия, так широко распространившаяся летом, была ликвидирована как раз в то время, когда можно было ожидать ее наибольшего развития. Отправлявшиеся на борьбу с холерою в 1921 году невольно вспоминали участь медперсонала 1892 года. Но все страхи и опасения рассеялись с первых же шагов работы. Медицинский персонал был встречен деревней, как долгожданный гость. К речам врачей прислушивались и все их указания тщательно проводились в жизнь. Это сознательное и сочувственное отношение крестьян ко всем начинаниям в борьбе с холерой много способствовало быстрой ликвидации грозной эпидемии.

Теперь на смену холере пришла новая эпидемия сыпного тифа. Борьба предстоит тяжелая и ожесточенная. Но все же в эту борьбу губерния вступает более сильной и организованной. Правда, средств очень немного, но это не помешало губздраву приступить к срочной организации 20 врачебно-санитарных отрядов, которые в ближайшем будущем будут брошены в шесть наиболее пораженных эпидемией уездов.

Первый шаг к повсеместной помощи пострадавшим уже сделан. По всей губернии идет лихорадочная организация аппарата для непосредственной работы в пораженных местах.

В основу организации этого аппарата положена мысль, что борьба с голодом должна быть делом самих голодающих. Поэтому к работе были привлечены прежде всего оба вида нашей общественности: пролетарская—по городам и крестьянская—по селам и деревням.

Первичная ячейка аппарата помощи голодающим—крестьянские комитеты взаимопомощи. Они набираются крестьянами из расчета—один представитель на 250 человек населения. В выборах принимают участие все, не лишенные на это права по конституции Р. С. Ф. С. Р. Эти комитеты охватывают в своей работе все виды обеспечения (помощь голодающим, семьям красноармейцев и проч.) и пользуются значительными правами: они могут, с разрешения общего собрания крестьян, облагать натуральным и денежным налогом всех граждан своего села.

Городские комитеты состоят из представителей всех предприятий и учреждений с определенным числом рабочих и служащих. В уездные комитеты входят делегаты союзов и волостей, в губернский—делегаты союзов и уездов. Старым общественным деятелям предоставлена треть мест в губернском и уездных комитетах. Интересно отметить, что представители ликвидированного Вс. Ком. Пом. Гол. отказались работать в этих комитетах совместно с рабочими и крестьянскими организациями.

В настоящее время крестьянские комитеты взаимопомощи уже организованы во всех уездах губернии.

Организация комитетов в большинстве мест прошла гладко, без всяких осложнений. Лишь в нескольких уездах работа пошла медленнее в связи с бандитизмом и слабой налаженностью тех учреждений, которые должны принять главное участие в создании комитетов.

Отношение крестьян к комитетам—хорошее.

Из некоторых мест получены сообщения, что инструктора по организации комитетов идут с винтовками в руках против бандитов. Крестьяне отбивают инструкторов из рук бандитов и продолжают строить комитеты.

Комитеты уже принялись за работу. Производится учет голодающего населения, продуктов, скота и фуража, готовятся помещения под столовые, создаются денежные и продуктовые фонды, разрабатываются планы общественных работ и, главное, принимаются меры к засеву озимого клина. Так в Петровском уезде одним из комитетов уже засеяно свыше 400 десятин земли.

Такова в кратких чертах та огромная организационная работа, которая была проведена саратовскими товарищами. Период растерянности, столбняка и беспомощности уже изживается. А это уже много значит для борьбы со стихийным бедствием.

И. Р—Ч.

„Неделя помощи и голод детей в Поволжьи“.

Страшные муки голода переживает сейчас Поволжье.

Голод, нагрянувший стихийно на миллионы людей, чрезвычайно остро отразился на детях, которые совершенно не приспособлены к борьбе в непосильно тяжелых условиях нашей действительности.

Передо мной несколько цифр, красноречиво говорящих о положении детей в Самарской губ., так остро пострадавшей от неурожая.

Вот они:

Всего детского населения в возрасте от 1—16 лет по губернии насчитывается—822.679 человек, из них в детских домах сосредоточено—58,779 чел., в детских садах—72,477 чел. и в школах—22,500 чел. Таким образом, в учреждениях, обслуживающих детей в нормальное время, содержится 153,769 человек.

В связи с дальнейшим усилением голода, значительно усилилось и поступление детей в детские учреждения.

Так в августе поступило только 103 человека, а в сентябре число детей, нуждающихся в призрении, резко увеличивается, достигая огромных размеров. Раньше 50 проц. призреваемых детей относилось к городам, в настоящее же время свыше 90 проц. падает на деревню.

Попрошайничество—протягивание руки на всех улицах города делается обычным явлением.

Местные партийные, советские и рабочие организации проявляют героические усилия в борьбе за улучшение положения сотен тысяч детских жизней, но размеры бедствия губернии настолько велики, что местные усилия остаются тщетными в борьбе с громадным бедствием.

Здесь необходима немедленная помощь со стороны всего населения Советской республики.

Товарищи и граждане Красной Москвы! Во всех начинаниях Советской власти вы всегда идете первыми. Советская власть об'являет неделю помощи голодающему Поволжью, и миллионы людей с отчаянием ждут вашей помощи.

Дегтярев Ив. (Волжанин).

Подросток.

Худой и бледный, бледный как весенний
Луч мартовский сквозь копоть труб,
В лице поджелклом—сумрачные тени,
И кровь цынготная у пухлых губ...

А в сердце—зависть, зло, вон на того,
Кто корку хлеба скрал у мертвеца,
На ту собаку, что под визгливый вой
Кость прошлогоднюю мусолит у крыльца.

Вцепиться-б в горло, вырвать, грызть и есть,
И грызть и есть гнилую кость...
За что, за что мучительная месть,
О, роковой и черный гость?!

Морщинка на лице, и тает,
И тлеет тихий детский взор...
Так в поле брошенный костер
Во мгле то вспыхивает, то угасает...

С. ОБРАДОВИЧ.

Зачем я ездила в Поволжье.

Когда в последних числах августа я уезжала из Варшавы в Москву по делам Красного Креста, возникавший тогда «Польский Рабочий Комитет помощи голодающим в России» поручил мне познакомиться на месте с кампанией по оказанию помощи. С этим поручением я обратилась в Московский Комитет с просьбой дать мне возможность поехать в Самару, как в один из центров голодающей области.

В САМАРЕ.

Целью моей поездки было не разглядывать картины трагедии голода, а познакомиться на месте с организацией помощи и с нуждами ее. Уже из окна вагона я могла видеть результаты кампании Советской власти по оказанию помощи. Область голода отличается от соседних территорий более ранней обработкой почвы. Громадные пространства здесь уже обработаны и обсеменены и во многих местах на больших площадях земли зеленеют озимые хлеба, посеянные преимущественно рядовыми сеялками.

Уже в 2 часах езды от Самары встречаются обозы беженцев. Это счастливые собственники лошадей, самостоятельно направляющиеся в плодородные местности. В Самаре железнодорожный вокзал—сплошной лагерь беженцев. Они наполняют коридоры и залы, лежат тесно рядами, прикрытые лохмотьями, залили площади и улицы кругом. Горят костры. Среди этой толпы снуют сестры социальной помощи, собирая заблудившихся детей, подбирая больных и умерших. Одна из этих сестер сообщает нам, что смертность значительно упала. Пять недель тому назад на вокзале и кругом вокзала умирало в день 30—50 человек, теперь умирает 3—5 чел. На вокзале действует амбулатория, из которой больных отправляют в госпитали, а детей в приюты.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ.

В Самарском губисполкоме нас информируют о том, как построена организация помощи. Приводят цифры о посевном зерне, об'ясняют форму уездных, волостных и сельских организаций и т. д. Здесь же я знакомлюсь с работой по оказанию помощи в городе. Интенсивность, с которой работает организация, была для меня неожиданной и поучительной. Однако, результаты не отвечают напряженности работы, ибо... не хватает средств. Обязательный налог на жителей города (кинематографы, театры, трамвай—100 проц., предприятия—20 проц.), помощь центра и различных российских организаций—это капля в море. В Самарской губ., как мне сообщили, имеется до 800 тыс. голодающих детей, а в приемниках Самары тогда помещалось 44.600 детей—количество ничтожное. Дети в приемниках получают ¼—½ фун. хлеба в день и горячее, преимущественно холодное блюдо один раз в день. Кроватей нет, дети спят не снимая своей одежды, грязных лохмотьев, не моются из-за недостатка мыла. Всего не хватает продовольствия, и от времени до времени питание людей прерывается: в одном приемнике для беженцев 5 дней не выдавали хлеба.

В ЧЕМ ЗДЕСЬ НУЖДАЮТСЯ?

В госпиталях нет мыла, белья, лекарств, даже таких необходимых, как камфора, кофеин, спирт. Свирепствует малярия, а хинина нет, и в госпиталях малярийных не принимают. В свободной торговле хинин стоит миллионы. В прекрасно устроенном и чистом госпитале Оржанова главный врач констатирует 90 проц. смертности детей, больных корью, и 100 проц. детей до 3 лет. Организмы истощены, средств лечения и питания нет, есть только гигантские усилия работающих, которые, к сожалению, не достигают цели. Для размещения голодающих отведены лучшие здания и помещения. В трагической борьбе с голодом гибнут силы самоотверженного персонала. Вот слабый, истощенный молодой человек, заведующий питательного пункта. Вот слабенькая, истощенная работой, бледная и, вероятно, голодная женщина-врач, обслуживающая одновременно госпиталь, приемник для детей и приемник для беженцев, и т. д.

Правда Машина 14 Симонов 2 октября

Все тормозится недостатком продуктов. Миссия Гувера тогда еще не начала работать. Квакеры привезли немного продуктов и уже распределили жиры, молоко и фасоль. Американская журналистка мисс Строн ездит по окрестностям. Она присматривается с ужасом к голодному бедствию, собирает документы, делает снимки потрясающих картин—в твердом убеждении, что только вид этих ужасных картин вызовет в людях чувство обязанности помочь.

ПОМОГИТЕ!

Я видела очень мало, но достаточно для того, чтобы понять, что нужда чудовищно велика, что здесь каждая кроха спасает человека. Местные организации нуждаются, главным образом, даже исключительным образом, в материальной помощи. К работе привлечены лучшие, энергичнейшие элементы, какие только можно было найти в массах, приведенных в движение.

От себя скажу следующее. Вопреки лозунгу: «Спасайте детей» (причем в противоречие всем законам физиологии, возраст подкармливаемых детей ограничивается 12-ю годами), я считаю, что голодают все и что следует взывать о помощи всем голодным без различия возраста, пола, профессии и социального положения. Под таким впечатлением я возвращаюсь в Варшаву и передам это «Польскому Рабочему Комитету помощи голодающим в России».

Стефания Семполовская.

КОГДА ТЫ С СЕМЬЕЙ САДИШЬСЯ ЗА ОБЕДЕННЫЙ СТОЛ, ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ, ЧТО РЯДОМ С ТОБОЙ САДИТСЯ ГОЛОДНЫЙ ТРУЖЕНИК ИЗ ПОВОЛЖЬЯ. НАКОРМИ ЕГО. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЕЛАЙ ОТЧИСЛЕНИЯ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ.

Что сделано по борьбе с голодом.

ИТОГИ ПОЖЕРТВОВАНИЙ.

В Центральную Комиссию помощи голодающим при В. Ц. И. К. поступило пожертвований:

1) Денежными знаками:

С 21 по 30 сентября поступило пожертвований 2.775,800,339 рублей, а всего с прежде поступившими 9.393,260,216 рублей, отправлено в голодающие губернии 7.157,676,036 рублей.

2) Продуктами:

С 21 по 30 сентября поступило хлебных грузов—191.656 пуд., а с прежде поступившими—284.871 пуд.

Овощей поступило—287.093 пуд., а с прежде поступившими 306.020 пуд. Других продуктов с 21 по 30 сентября поступило—4.176 пудов, а с прежде поступившими—6.030 пуд.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ИЗ РОССИИ.

Наркомпродом за июль—сентябрь в голодающие губернии отправлено: рыбы—802.210 пуд., хлеба—1.177.500 пуд., фасоли—32.884 пуд., рису—23.106 пуд., консервов—2 вагона и какао—5.986 пуд. (для детского питания), гороху—3.000 пуд., сухих овощей—213 пуд., сала—93 пуд., разных продуктов—2.000 пуд., балыку—63 пуд., масла—14 пуд., фруктов—4 пуда, яиц—7.600 пуд., сахару—248 пуд. и соли—83 пуда.

ПЕРЕВОЗКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

Суточное движение продовольственных грузов на всех дорогах Р. С. Ф. С. Р. таково: в августе месяце — 93 продовольственных маршрута в сутки с 2.302 вагонами, из них с хлебом и семенами 1.458.

В сентябре суточное движение продовольственных маршрутов равнялось—189 с 4.570 вагонов, из них 3.661 вагон с хлебом и семенами. Кроме того, ежедневно в сентябре отправлялось по 651 вагону с картофелем.

НАРКОМСОБЕЗ ГОЛОДАЮЩИМ.

Комиссия помощи голодающим при Н. К. С. О. организовала особый поезд в составе 30 вагонов, который должен об'ехать пораженные голодом районы. Следующие в поезде сотрудники Наркомсобеза будут оказывать практическую помощь голодающим из тех ресурсов Н. К. С. О., которые посланы с поездом.

Наркомсобез, опросив губсобезы, выяснил вопрос об эвакуации инвалидов из голодных местностей. Выяснилось, что Наркомсобез имеет возможность разместить по своим учреждениям в благополучных по урожаю губерниях до 5,000 инвалидов и обеспечиваемых.

Для усиления аппарата собеза в голодающих губерниях, НКСО производит мобилизацию работников по социальному обеспечению для переброски в Поволжье на борьбу с голодом. Пока мобилизовано 100 ответственных работников.

На местах помощь голодающим осуществляется через губсобезы и крестьянские комитеты взаимопомощи.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ.

По данным Наркомздрава на 27 сентября оказано врачебно-санитарной и питательной помощи:

Находилось в движении 17 санитарных поездов, 2 врачебно-питательных поезда и 1 поезд-склад. Даны наряды на отправку еще 4-х питательных поездов.

Заболеваний в голодающих губерниях таковы:

За июль и август заболело: холерой 44.371 человек, сыпным тифом 997 человек, брюшным тифом 1.043 чел., возвратным тифом 1.416 человек, дизентерией 10919 человек и цынгой 1.831 ч., а всего 60.577 человек.

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ.

Наркомпрос представил следующие сведения об эвакуации детей из голодающих губерний до 15-го сентября:

Эвакуировано: из Самары в Гомель 500 детей, из Саратова в Смоленск 404, из Казани в Петроград 500 дет., из Казани в Тверь 590 дет., из Саратова в Витебск 450 дет., из Бузулука в Житомир 400 дет., из Казани в Бологое 500 дет., а всего эвакуировано 3.354.

Наркомпросом, кроме того, представлены сведения о количестве детей, которые могут быть размещены дополнительно в благополучных губерниях. Всего, согласно этим сведениям, может быть размещено еще 27.000 детей.

В голодающих губерниях имеется 1.339 детских домов, в которых помещается 79.946 детей.

ПЕРЕБРОСКА РАБОЧИХ.

С июля по 20-е сентября 1921 г. переброшено из голодающих губерний рабочих в Донбасс, Сибирь и Грозный 115,858 человек. Назначено для переброски еще 71,400 человек.

ПОСТУПЛЕНИЕ СЕМЯН.

По сведениям Наркомзема, до 7-го сентября поступило в голодающие губернии семенного зерна 10.397.000 пудов.

ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ.

Центроэвак представил следующие сведения об эвакуации населения из голодающих губерний:

За август месяц эвакуировано Центроэваком из голодающих губерний: рабочих 264,177 человек, беженцев 63,954 чел., военнопленных 1,407 чел., переселенцев 1,410 чел., хлопководов 245 чел. и инвалидов 5,480 человек.

За сентябрь Центроэваком эвакуировано из голодающих губерний: рабочих 37,263 человека, беженцев 16,624 человека, переселенцев 2,000 человек и детей случайных 270 человек.

Рабочие N-ского завода на общем собрании постановили отчислить в пользу голодающих 25 проц. месячного оклада и пожертвовать 500 пуд. ржи. Затем райкомом было поставлено 2 спектакля в пользу голодающих, которые дали сбор в 1.661,835 руб. Производился сбор добровольных пожертвований в пользу голодающих.

ОТ ОГНЕСКЛАДА.

Рабочие N-ского огнесклада пожертвовали в пользу голодающих 427,391 р., 21 пуд муки, 25 ф. сахару и 1 пуд 15 ф. махорки и постановили в течение всего голодного года отчислять однодневный заработок.

ЧУЛОЧНО-ТРИКОТАЖНАЯ Ф-КА б. БАРАНОВА.

На собрании рабочих чулочно-трикотажной ф-ки (б. Баранова) был заслушан доклад тов. Тулякова о голоде в Поволжьи. Постановлено отчислять по два фунта муки с двадцатифунтового пайка и отрабатывать один свободный день в месяц в пользу голодающих.

В. Павлов.

ЗАВОД «ЭЛЕКТРОСИЛА № 3».

На общем собрании рабочих и служащих завода «Электросила № 3» (бывший «Динамо») Рогожско-Симоновского района 30 сентября был заслушан доклад тов. Ухакова о всероссийском субботнике помощи голодающим. Докладчик приводил цифровые данные о том, что уже сделано в пользу голодающих нашим правительством и другими пролетарскими организациями, а также участием западно-европейского пролетариата в деле помощи.

Общее собрание единогласно постановило всем заводом работать в субботу вместо 6 ч.—10 ч. Заработная плата за эти сверхурочные работы, более двух миллионов рублей, кроме натурального фонда, поступит в пользу голодающих целиком.

Морис.

ИСКРЕННЯЯ ЖЕРТВА.

Мы получили письмо от 6-летней девочки. Приводим его ниже.

«Уважаемый т. редакт. Прошу принять и мое приношение, присоединить его к тем жертвованиям, которые направляются жителям голодных губерний. Деньги эти я собрала у своих родных, как именинный подарок мне.

Вера Виноградова».

Из цикла „Голод“.

О, голод жуткий, птица черная!..
Мечта двуглавого орла...
Какой водою животворною
Целить распухшие тела?..

Ужель ты поступью тяжелою
Пройти решаешь красный мир?
И над проснувшимися селами
Летать задумал как вампир?..

Повсюду смерть... Куда размыкаю,
Куда развею я печаль?

В какие брошу степи дикие,
В какую золотую даль?

Какие лица вспыхнут светлые?
Какие вытерпят сердца
Пред роковой Поволжскою петлею,
Пред скорбью жгучего венца?

Но знаю: будут светлоликие
Со вспышкой вечной красоты.
За помощь их, за боль великую —
Мои им песни и цветы!..

Василий Колчин.

Воскресник на помощь голодающим.

Различные районы Москвы живо откликнулись на зов о помощи голодающим и энергично приступили к организации воскресника. Еще в пятницу и субботу в районах кипела большая работа. Все рабочее население Москвы, красноармейские части и громадная масса советских служащих выказали единодушие в деле помощи голодающим. Во многих районах оказалось, что данных нарядов недостаточно: число желающих помочь голодающим личным трудом значительно превысило все расчеты районов.

В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ.

По предварительным сведениям число работавших на воскреснике в Сокольническом районе—около 9.000 чел. Больше половины этого количества (около 5.000 чел.) работало на местах, т.-е. на фабриках, заводах, мастерских и т. д.; остальные были разосланы на железнодорожные вокзалы и различные учреждения Сокольнического района.

Вообще, воскресник в Сокольническом районе прошел с громадным под'емом. Многие представители от местных коячеек приходили в райком с просьбой дать дополнительные наряды, так как число желающих принять участие в воскреснике оказалось большим, чем это предполагалось.

Нельзя не отметить работу Отдела работниц Сокольнического района. Женщинами-работницами за субботу и воскресенье починено много обмундирования, разного белья и т. д. Работницами же производился в различных частях района кружечный сбор, результаты которого пока неизвестны. (РОСТА).

В ГОРОДСКОМ РАЙОНЕ.

Приблизительное число принимавших участие в воскреснике в Городском районе около 13.000 чел. Из них на предприятиях работало—7.690 чел., на железных дорогах—3.500 чел., в Москвакоммунотделе—630 чел., по уборке скверов и могил на Красной площади—200 чел., по кружечному сбору—1.040 чел., по пошивке и ремонту белья—150 чел.

Еще до начала кружечного сбора в Городскую районную комиссию поступило от разных организаций и лиц на 14.409.683 руб. разных пожертвований.

Особенно успешно сбор пожертвований проходил на окраине—в рабочих районах, кроме денег, в кружки опускались золотые и серебряные вещи. Многие рабочие и работницы снимали свои обручальные кольца.

В ЧЕТВЕРТОМ УЧАСТКЕ КРАСНО-ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА.

Пролетарии Красной Пресни горячо откликнулись на призыв о помощи голодающим трудящимся Поволжья. Все крупные предприятия (зав. № 5, обмундировочные фабрики № 3 и N., типография № 20, фабрика Зотова и другие) работали с полным составом рабочих в течение 4-х часов, кроме того, на некоторых ф-ках отчислили 2-дневный заработок, а на маленьком заводе Крамер, хоть и не устраивали субботника, зато отчислили свой недельный заработок. В типографии № 20 (б. Кушнерева), кроме лишних 4 часов, работали всю ночь с субботы на воскресенье по выпуску газеты «Печатник — голодающим».

Кипучая работа шла на Савеловском вокзале: работали в депо по ремонту паровозов, на линии—по ремонту путей, переноска тяжестей, ремонту вагонов, на постройке мельницы.

Отрадно отметить работу института инженеров путей сообщения — ячейке РКП удалось втянуть в работу много студентов и всех служащих. Работали и в субботу (около 90 челов. 4 часа) и в воскресенье (около 150 чел. 6 часов, из них [illegible] коммунистов). Работали по ремонту зданий института и двух общежитий. Стоимость работ идет в пользу голодающих.

ВОСКРЕСНИК В ХАМОВНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ.

Работа производилась на Брянском вокзале. Занято было приблизительно около 2½ тыс. человек. Кроме того, 20 учреждений и предприятий проводили воскресник на местах. Производилась пошивка белья 200 женщинами в Отд. работниц. Человек около 300 занято было кружечным сбором по городу, человек 400 обходили кварталы. В Москоммуне производилась работа по уборке картофеля. Также производилась уборка складов для собираемых вещей.

ВОСКРЕСНИК В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ НА БРЯНСКОМ ВОКЗАЛЕ.

Несмотря на выдавшуюся плохую погоду, на воскресник организованный учпрофсожем Брянской жел. дор., собралось около 2.300 чел. вместо назначенных 1.300. В числе участвующих в воскреснике—ряд различных учреждений: N кавалерийская школа, политическое управление штаба, Коминтерн, Всевобуч, милиция, Наркомпрос, железнодорожные организации, автобригада и др. учреждения.

На 2-й Москве Брянской жел. дор. произведена разборка пути на протяжении 1.610 саж., погрузка в вагоны шпал и рельс. Около половины работающих на воскреснике—коммунисты. Из работ произведены:—обвалка мусора—сотрудниками Реввоенсовета; сотрудниками и делегатами Коминтерна—погрузка шпал, красноармейцами и командным составом автобригады—ремонт подвижного состава и т. д. Все работы производились с большим воодушевлением и революционной дисциплиной.

Телеграммы.

В Германии.

ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ГЕРМАНИИ.

ГАННОВЕР, 30 сентября. (Радио герм. прав. агентства). Германским правительством отправлена нота союзникам, в которой указывается, что население Верхней Силезии в подавляющем большинстве высказывается за оставление ее в полном составе за Германией. При этом отмечается, что даже те избиратели, которые во время плебисцита голосовали за Польшу, теперь, в виду грозящей опасности раздела области, переменили свое мнение. (РОСТА).

Во Франции.

ПОДДЕРЖКА БАСТУЮЩИХ.

РИГА, 1 октября. По сообщению «Юманите», стачечный комитет северного района Франции призывает, как организованных, так и неорганизованных рабочих к моральной и денежной поддержке забастовщиков. На основании постановления стачечного комитета и всеобщей конфедерации труда, каждый занятый рабочий должен быть обложен еженедельным забастовочным налогом в 10 франков. (РОСТА).

ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ.

РИГА, 1 октября. Мэрик в газете «Интернационал» обращается к французским рабочим с горячим призывом начать агитацию за помилование обвиненных по ложному доносу полиции в убийстве и приговоренных судом к смертной казни двух итальянских рабочих Санко и Вацетти в Нью-Йорке. Накануне окончательного решения судьбы осужденных французские рабочие своим вмешательством должны оказать надлежащее влияние на общественное мнение Америки. (РОСТА).

ПЕРЕД КОНЦОМ ЗАБАСТОВКИ.

ПАРИЖ, 30 сентября. (Радио французского осв. аг.). Забастовка текстильщиков в Лилле близится к концу. Обеими сторонами — хозяевами и рабочими — сделаны взаимные уступки. Окончательное соглашение будет достигнуто на этих днях. (РОСТА).

В Америке.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

НЬЮ-ЙОРК, 15 сентября. На предстоящей конференции американского союза сельских рабочих будет поставлен на обсуждение вопрос о слиянии союза с социалистической партией.

Из Нью-Йорка сообщают, что коммунистическая партия, принимающая участие в выборах в городскую думу под названием «Уорк-ре Лиг» («Лига рабочих»), устроила первое массовое собрание, превратившееся в демонстрацию против политических преследований. На собрании принята резолюция с выражением солидарности с русским пролетариатом и призывом к помощи Сов. России. Постановлено требовать очищения Зап. Виргинии от правительственных войск, терроризирующих горнорабочих. Союз горнорабочих призывается к всеобщей забастовке протеста против террора в Виргинии.

Собрание признало право рабочих на вооруженное сопротивление капиталистической провокации. (РОСТА).

В Бельгии.

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

РИГА, 1 октября. В связи с понижением денежной платы, рабочие механических, ткацких фабрик Бельгии об'явили забастовку. Бастуют 3.000 рабочих.

В Венгрии.

ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ.

ГАННОВЕР, 30 сентября. (Радио герм. правит. агентства). По сообщению газеты «Фоссише Цейтунг» из Будапешта, бывшим венгерским премьером Стефаном Фридрихом, провозглашено независимое западно-венгерское государство. (РОСТА).

В Испании.

ИСПАНСКО-МАРРОКАНСКАЯ ВОЙНА.

ПАРИЖ, 30 сентября. (Радио франц. тел. аг.). По официальным сведениям из Мадрида, после ожесточенного боя, марроканцы выбиты из Тинцы с большими потерями ранеными и убитыми.

В Ирландии.

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИРЛАНДИИ.

ГАННОВЕР, 1 октября. По сообщениям из Дублина, большинство ирландских газет высказывается за полную независимость Ирландской Республики и за всенародное голосование по этому вопросу. (РОСТА).

В Польше.

НЕДОВОЛЬНЫ.

ГАННОВЕР, 30 сентября. (Радио герм. прав. агентства). По сведениям итальянских газет, при решении верхнесилезского вопроса будет принята английская точка зрения, по которой Польша должна получить только Плес и Рыбник. С другой стороны, из Варшавы сообщают, что, по заявлению польского министра иностранных дел, в сеймовской комиссии по иностранным делам, варшавское правительство уже заранее отвергает решение верхнесилезского вопроса Лигой Наций, так как последняя совершенно игнорирует желания Польши. (РОСТА).

В Латвии.

ПО-СТАРИНКЕ.

РИГА, 2 октября. «Социал-Демократс» указывает, что в Латвии до сих пор имеет силу царский закон, согласно которому участие в забастовке карается 6 мес. тюремного заключения, а призыв к забастовке 6 годами исправительных арестантских рот. Социал-демократическая фракция внесла в учредительное собрание законопроект, требующий отменения царского уголовного уложения. (РОСТА).

На Дальнем Востоке.

ПРИВЕТ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

ЧИТА, 29 сентября. (Дальта). Рабочие и крестьяне, члены Народного Собрания, Прибайкальской области, сделали следующее декларативное заявление: «Мы, представители революционного трудового крестьянства и рабочих Прибайкалья, обращаемся с горячим приветом к трудовым массам Советской России и заявляем, что русские рабочие и крестьяне показали всему миру, с какой самоотверженностью они способны отстаивать свои права, свою свободу и благополучие».

Далее в заявлении говорится: «Мы, избранники трудового народа Прибайкальской области, торжественно заявляем, что, стремясь к мирной спокойной жизни, будем стоять на-страже интересов трудящихся, против всех палачей и насильников народа, против иностранных интервентов, которые хотят снова закабалить нас.

Долой наемников и насильников трудового народа! Да здравствует неделимая трудовая Д. В. Р.! Да здравствует солидарность трудящихся всего мира!» — горячо заканчивается заявление. (РОСТА).

ОККУПИРУЮТ.

ЧИТА, 26 сентября. (Дальта). Из Хабаровска телеграфируют: «По сообщению прибывших из Николаевска, японцами в низовьях Амура заняты все школьные помещения. Японских войск насчитывается в Мариинске 500 человек, в Богородске 500, в Николаевске свыше 1,000. В оккупированную область японцы кроме спирта и фруктов ничего не ввозят. Рыболовов-японцев мало; они только снабжают снастями русских, ловящих рыбу для русских. (РОСТА).

ВОКРУГ ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

ЧИТА, 28 сентября. (Дальта). В результате протеста доктора Сун-Ят-Сена, президента южно-китайской республики, американское правительство решило допустить на вашингтонскую конференцию соединенную делегацию пекинского и кантонского правительств. (РОСТА).

ЯПОНИЯ И Д. В. Р.

ЧИТА, 28 сентября. (Дальта). Из Дайрена телеграфируют от 28 сентября: После 12-дневного перерыва русские и японские делегаты встретились снова. Во время перерыва японские делегаты находились в оживленных сношениях со своим правительством. Японская делегация представила контр-предложение своего правительства, состоящее из 17 пунктов.

По словам токийской газеты «Асахи», содержание этого контр-предложения, пока сохраняющегося в строгой тайне, сводится к следующему:

Равные для всех стран права в области мореплавания, без всяких специальных привилегий для какой бы то ни было страны; свобода занятий промыслами; обеспечение жизни и имущества граждан; неприкосновенность общественного и частного капитала; эвакуация японских войск после восстановления порядка.

В пункты соглашения должен быть включен временный торговый договор, а также неофициальное соглашение с Д. В. Р. до признания ее всеми державами. (РОСТА).

М.К. рекомендует всем ячейкам в ближ. партдень (5 окт.) в порядке дня, кроме местных вопросов поставить еще вопросы: Голод и попытка новой интервенции. О поднятии работы среди женщин на предприятиях.

Практические предложения по пункту второму будут даны в „Комтруде“ (4 окт.).

Выставка-базар „Кустарь — голодному краю“.

9-го октября, в 1-м Доме Союзов (Бол. Дмитровка, 1) открывается выставка-базар „Кустарь—голодному краю“, устраиваемая Главкустпромом совместно с Промысловыми Кооперативными Об'единениями и артелями. На базаре будут продаваться кустарные изделия, обувь, одежда, платья, игрушки, учебные пособия, картины, изделия из металла и проч. Во время выставки-базара в Колонном Зале Дома Союзов будут происходить концерты, кино-сеансы, лекции и проч.

Р. В. Ц. Машинист [illegible]
13-я Образцовая газетная типография МГСНХ, Тверская, 48.
Тираж газеты «Правда» 300.000 экз.